

АЛЕКСИС БУВЬЕ

КРЕДИТОРЫ ГИЛЬОТИНЫ

СЕДЬМАЯ КНИГА

Алексис Бувье

Кредиторы гильотины

«Седьмая книга»

Бувье А.

Кредиторы гильотины / А. Бувье — «Седьмая книга»,

Помощники палача привязали осужденного, и гнетущая тишина толпы, замершей на площади, прерывалась только голосом священника, читавшего молитвы. Между двумя бревнами эшафота сверкнула молния гильотины, и раздался страшный, оборвавшийся крик. Глухой стон вырвался из тысячи грудей. Общество отомщено. Его представители наказали виновного. Но были ли он действительно виновным?..

Содержание

Глава 1. Что происходило на площади Ла-Рокетт в одну ноябрьскую ночь	6
Глава 2. Проклятый угол	10
Глава 3. Три брата	13
Глава 4. Завещание	17
Глава 5. «Бешеная кошка»	21
Глава 6. Удары кулака иногда поддерживают дружбу	29
Глава 7. Да здравствуют вино и красавицы!	32
Глава 8. Панафье начинает надеяться	39
Глава 9. Панафье получает полезные сведения	41
Глава 10. Дом на улице Фридлан	47
Глава 11. Ужасное и любопытное зрелище	54
Глава 12. Два письма	59
Глава 13. У Баландые	63
Глава 14. Нисетта занимается странным ремеслом	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алексис Бувье

Кредиторы гильотины

Глава 1. Что происходило на площади Ла-Рокетт в одну ноябрьскую ночь

Только что пробило два часа утра. Погода была сырая и холодная, и сквозь густой туман слышался только глухой шум толпы, собравшейся на площади Ла-Рокетт.

Туман был до такой степени густым, что уже в трех шагах ничего не было видно. Агенты полиции с трудом сдерживали любопытных, не позволяя им приблизиться к тому месту на площади, где работали шесть человек. Они ставили эшафот, на который рано утром должна была упасть голова Корнеля Лебрена.

В тумане едва виднелись два красных фонаря, светивших рабочим.

Ночь, туман, гул толпы, стук молотков, моросивший мелкий холодный дождь – это была довольно мрачная картина. Кровь застывала в жилах, и человек невольно вздрагивал от ужаса. Холодный пот прошибал его в самом теплом платье.

Публика, присутствующая обычно на казнях, была вся в сборе – бледные лица со впалыми щеками, с мрачным огнем в глазах, худые фигуры в одних холстинных блузах. Раздававшиеся голоса были хриплыми от водки. Тут же находились женщины, молодые девушки, матери с грудными детьми, посиневшими от холода.

Большая часть этих людей уже не один раз приходила в этот самый час смотреть подобные зрелища. Казалось, они все были знакомы между собой. В толпе слышались крики носильщиков.

Обычные посетители разговаривали между собой таким образом:

- А, это вы? Здравствуйте! Я видел вас, когда казнили Лапомаре.
- Да, я никогда не пропускаю казней.
- Точно так же, как и я.
- Да, я вас припоминаю – мы были вместе.
- Сегодня нам будет лучше видно.
- О, сегодня не будет так много народа.
- Да, если бы не привычка, я тоже не пришел бы. Погода ужасная.
- А этот не то, что Лапомаре, – тот был молодец.
- Да, такие попадают редко.

Уличный мальчишка, уже с вечера взобравшийся на дерево, говорил другому, сидевшему на соседней ветке:

- Мне здесь очень удобно. Если туман пройдет, то я увижу все отлично. Его последняя улыбка будет моей.
- Зачем тебе это?
- А как же! Мне завидно.
- И мне тоже.
- Я бы показал, как себя вести, если бы меня казнили... По правде сказать, наверное мучаешься недолго, всего какую-нибудь секунду... шее станет холоднее – и все кончено...

Находящаяся на другой стороне площади молодая девушка с голубыми глазами и нежным цветом лица обращалась к молодой матери, державшей за руку своего ребенка:

- Моя милая, – говорила она, – я боюсь только одного: чтобы его не простили.
- О, этого нечего бояться – эшафот выстроен, и он будет казнен.
- Мне говорили, что он просил о помиловании.
- Нет, он даже не подал кассацию. Говорит, что невиновен.
- Они все говорят это. Трусы, как все мужчины.
- Бедная женщина, как ужасно он зарезал ее!

– О да, негодяй! Поэтому я и хочу посмотреть ему в лицо.

Ребенок, которого мать держала за руку, начал кричать.

– Замолчишь ли ты? – рассердилась его мать. – Берегись! Если ты не будешь умницей, то не увидишь, как ему отрубят голову.

В это же время один любопытный, забравшийся на стену, говорил своему соседу:

– Ты знаешь, что он сказал? – «Я пойду на казнь с тем же спокойствием, с каким выслушиваю ваш приговор. Только одни преступники боятся вечности».

– Это все фразы. После «Лионского курьера» они все говорят так. Вот пьеса, которая испортила всех казнимых... Посмотрим, будет ли он разыгрывать невинного на эшафоте.

– Если он струсит – я свистну.

– И я тоже.

Вдруг в толпе поднялся шум. Мальчишки закричали:

– Солдаты! Солдаты!

На площади появился отряд национальной гвардии, затем жандармы окружили эшафот, еще окутанный туманом. В течение нескольких минут слышны были только крики, рев и брань, которые разбудили осужденного в его камере. Затем наступило молчание, прерываемое только глухим ропотом толпы.

В одном из углов площади, около входной двери в тюрьму Ла-Рокетт, позади первой линии жандармов, почти возле ног их лошадей, стояли, прижавшись к стене, двое мужчин. Они были одеты в теплые пальто с воротниками, поднятыми не столько от холода, сколько для того, чтобы избежать внимания любопытных.

Мужчины стояли молча, прижавшись друг к другу и держась за руки.

Каждый вечер последней недели эти двое являлись к продавцу вина, жившему на углу улицы Фоли-Реньо, и каждый вечер они спрашивали, приходили ли рабочие на площадь строить эшафот. В этот вечер им ответили: «Да». Они побледили и переглянулись, затем пожали друг другу руки, как бы желая придать себе мужества. Наконец один из них с усилием сказал продавцу вина: «Благодарю вас!»

Затем они молча вышли и прошли на улицу Фоли-Реньо, где остановились у маленького домика без номера – странной постройки мрачного вида.

Перед дверью этого дома их ждала телега, на которую накладывали бревна и доски. Когда телега была нагружена, она отправилась на площадь Ла-Рокетт. Два незнакомца последовали за ней.

Был час ночи. Два незнакомца стояли у мокрой стены, не обращая внимания на грязь, не обмениваясь ни одним словом.

В четыре часа утра один из рабочих, строивших эшафот, подошел к ним.

– Господин Винсент? – шепотом спросил он. Тот, что казался старше, ответил:

– Это я. Что вы хотите?

Тогда помощник палача прошептал:

– Я пришел от имени... кого – вы знаете... сказать вам, что все условлено... Позволение вам дано.

– Благодарю, мы придем.

Помощник сразу же вернулся к эшафоту, а тот, кого он называл Винсентом, сжал руку своего спутника и сказал ему:

– Ну, Шарль, скоро все будет кончено. Теперь нам необходимо все наше мужество.

– Не беспокойся обо мне.

Незнакомцы снова заняли свои места. Эта неподвижная пара выглядела странно. В то время как окружавшие их люди дули себе на пальцы, чтобы хотя бы немного согреться, они, казалось, не обращали никакого внимания ни на холод, ни на туман, не чувствовали времени. Они не слышали ропота толпы, не обращали внимания на толчки.

Когда раздался первый удар часов, оповестивший, что уже семь утра, они вздрогнули, словно пробудившись от сна. Туман почти рассеялся.

– Боже мой, – вскрикнул один из мужчин, с ужасом хватая за руку своего спутника.

Последний взглянул вперед, и чувствуя, что готов упасть в обморок, сделал над собой усилие, чтобы победить слабость...

Дело в том, что оба они увидели очень мрачное зрелище. Перед ними волновалось целое море бледных лиц, и в середине этого моря возвышался, словно остров, эшафот, протягивая свои две красные руки. Подавляя слабость, старший из двух незнакомцев, Винсент, взял за руку своего спутника и прошептал ему на ухо:

– Успокойся, Шарль, будь мужественным. Он сейчас придет.

Шарль выпрямился и встряхнул головой, словно желая прогнать мрачные мысли.

Дверь в Ла-Рокетт отворилась, мгновенно по площади пронесся глухой ропот, за которым последовало мертвое молчание. Два незнакомца напрасно старались заглушить рыдания, вырывавшиеся у них из груди. Затем они сняли шляпы и опустили на колени.

Из открытой двери вышли сначала два человека, каждый из которых держал по зажженному фонарю. Вслед за ними шел осужденный, опирающийся на плечо священника и поддерживаемый помощником палача, так как связанные ноги мешали ему идти.

– Не так быстро, – попросил несчастный поддерживавшего его помощника. Затем остановился и, повернув голову в ту сторону, где стояли два незнакомца, громко произнес:

– Прощайте. И помните!

– Прощайте! Прощайте! – душераздирающими голосами отвечали они.

Тогда помощник палача увлек осужденного, который, поставив ногу на первую ступень эшафота, поцеловал священника и сказал ему:

– Отец мой, благодарю вас за ваши заботы! Я поручаю вам мою последнюю волю. Вы обещали мне увидеться с ними сегодня же. Прощайте, отец мой, молитесь за меня и успокойте их.

– Ваше желание будет исполнено... О сын мой, думайте о Боге.

– Прощайте!..

Затем, повернувшись к помощнику, который поддерживал его, осужденный сказал:

– Помогите мне, друг мой, пусть это закончится побыстрее.

Он поспешно поднялся по ступеням эшафота и, как бы сомневаясь в себе, быстро упал на колени.

Помощники палача привязали его, и тишина прерывалась только голосом священника, читавшего молитвы. Между двумя бревнами эшафота сверкнула молния, и раздался страшный, оборвавшийся крик.

Общество было отомщено. Его представители наказали виновного. Глухой стон вырвался из тысячи грудей.

Два жандарма двинулись вперед, расчищая дорогу для низкого экипажа, в который помощники палача опустили корзину, более красную, чем кровь, просачивавшаяся сквозь нее.

За этой повозкой следовал фиакр, в котором сидел священник.

Увидев мрачное шествие, перед которым расступалась толпа, двое молодых людей поднялись, проложили себе дорогу в толпе, работая локтями и плечами, и с непокрытыми головами побежали вслед за повозкой.

Когда они дошли до предместья Сент-Антуан, один из жандармов хотел отогнать их, но помощник палача, говоривший с ними на площади, помешал сделать это, говоря жандарму, что у них есть разрешение. Он приказал остановить повозку, вышел и почтительно спросил их:

– Священник приказал спросить вас: не желаете ли вы сесть вместе с нами в фиакр?

– Нет, – отвечал тот, которого звали Винсентом, – мы пойдем пешком.

– Дело в том, что мы должны ехать быстрее.

– В таком случае мы побежим.

Помощник поклонился и, заняв свое прежнее место на козлах фургона, сказал жандармам:

– Езжайте медленнее – они отказываются садиться и хотят идти пешком.

– Но кто эти люди? – спросил жандарм.

– Это сыновья казненного.

Глава 2. Проклятый угол

По просьбе священника кучер заставил лошадей идти медленнее, и сыновья казненного могли следовать за ними.

Этот печальный кортеж миновал площадь Бастилии, бульвар Контр-Эскарп, Аустерлицкий мост, бульвар Госпиталя, Итальянскую площадь и дорогу Шуази. Наконец он прибыл на кладбище Иври, ворота которого были открыты.

Когда мрачный фургон, фиакр священника и жандармы въехали в ворота, сторожа хотели их закрыть, но, увидев разрешение, впустили сыновей казненного, и ворота закрылись вслед за ними, к великому огорчению нескольких любопытных, крестившихся при виде похоронной процессии.

Похоронное шествие шагом прошло через маленькое кладбище в ограду, отделявшую место, пред-назначенное для казненных.

Эта проклятая земля – наказание, которое общество налагает на тех, кого оно осудило. Нет ни могил, ни крестов, ни цветов – ничего, что напоминало бы об ушедших. Одна крапива покрывает этот Проклятый Угол.

Солнце уже почти взошло, туман полностью растаял, но все было печально и молчаливо на этом маленьком кладбище. Слышен был только стук копыт лошадей и скрип колес фургона.

Наконец повозка остановилась перед вырытой ямой. Братья стали на ее краю. Священник вышел из фиакра и, видя, что корзину хотят вынуть из фургона, сделал помощнику знак подождать минуту. Затем, подойдя к несчастным молодым людям, сказал им:

– Господа Винсент и Шарль Лебрен, я должен здесь передать вам письмо, заключающее в себе последнюю волю вашего отца – Корнеля Лебрена. Он пожелал, чтобы вы прочитали это письмо перед его останками и поклялись над ними исполнить его волю.

Старший из сыновей взял письмо из рук священника и, поцеловав его, сломал печать. Так, чтобы его слышал только брат, он прочел письмо.

«Шесть часов утра. Мои возлюбленные сыновья, я оставляю вам в наследство свое имя и хочу, чтобы вы гордо носили его, так как я умираю невинным. Над моим еще теплым трупом вы поклянетесь неустанно искать того, за кого общество приговорило меня к смерти, но не для того, чтобы отомстить за меня, а чтобы спасти мою честь. Общество хочет крови за кровь – я плачу ему. Вы найдете виновного. Но в этот день во имя крови, которую я проливаю за него, я прошу, чтобы он не понес другого наказания, кроме вечных угрызений совести за преступление, совершенное из-за него или для него. Я не просил ни кассации, ни помилования, потому что по закону судьбы были правы, к тому же, моя невинность не может довольствоваться помилованием. Вы должны быть достойны меня и будете добиваться только одного – доказательства моей невинности. Мой труп должен оставаться в Проклятом Углу до того дня, когда вы докажете обществу, что оно ошиблось. Только тогда вы, похороните меня рядом с вашей матерью. Мои дорогие сыновья, вы – мужчины, и я не боюсь за вас, но ваша сестра Маргарита может навсегда погибнуть из-за ошибки, допущенной судьями. Прежде, чем подумать обо мне, вы должны подумать о ней. Я хочу, чтобы она вышла замуж раньше, чем вы начнете свои поиски. Я хочу, чтобы она как можно скорее изменила свое имя, которое она, являясь женщиной, не в состоянии защитить, если на него станут нападать. Маргарита должна была выйти замуж за Берри, вашего друга. Со

времени моего ареста он не приходил к вам – из скромности, как он сказал! Мне говорили, что он не обвиняет меня. Если это так, то осуществите этот предполагавшийся союз. Если же эта свадьба не будет возможна, то я прошу у Маргариты, как милости, чтобы она ушла в монастырь до того дня, когда вы докажете, что ваш отец, Корнель Лебрэн, умер невинным. Я чувствую, что вы найдете виновного. Когда вы убедите общество в его виновности, я приказываю вам требовать его прощения, так как за кровь я заплатил кровью. Следовательно, виновный принадлежит нам. Если действительно существует другая жизнь, если существует душа, если, оставив свою земную оболочку, она может следить за тем, что делается на земле, то я постоянно буду с вами. Эшафот должен вам мою кровь – не мстите за меня, но оправдайте меня! Вот в коротких словах то, что я приказываю вам, дети мои: первое – выдать замуж вашу сестру или же окончательно разорвать обязательства с ее женихом; второе – спасти мою честь. Кроме того, я приказываю вам высоко держать головы, так как вы сыновья Корнеля Лебрэна, умирающего не виновным в том преступлении, за которое его осудили. Смерть моя не может быть для вас причиной горя. Являясь жертвой общественного несовершенства, я служу человечеству, умирая за него. Поэтому я запрещаю носить по мне траур.

Прощай, моя возлюбленная дочь, моя дорогая Маргарита! Прощай, Винсент! Прощай, Шарль!

Прощайте!

Корнель Лебрэн».

Они снова с благоговением поцеловали подпись отца, и старший сказал священнику: – Господин аббат, мы готовы исполнить последнюю волю нашего отца.

Священник поднялся с колен и, пожав руки молодым людям, сам заплакал, говоря:

– Бедные мои дети, будьте мужественны!

Братья обнялись, прилагая большие усилия, чтобы не плакать.

– Не беспокойтесь, мы будем мужественны, господин аббат, – отозвался младший.

Тогда аббат повернулся к помощникам палача и сказал:

– Делайте свое дело.

Повинуясь священнику, помощники вынули из фургона красную корзину с останками казненного Корнеля Лебрэна и, поставив ее на землю, вынули обезглавленное тело. Положив его на траву, они развязали веревки, связывавшие ноги и руки несчастного.

Странную картину представляло это погребение в столь ранний час!

Солдаты и помощники еле сдерживали себя, чтобы не плакать; аббат отвернулся и молился. Одни сыновья казненного стояли неподвижно с крепко сжатыми губами.

Наконец из корзины вынули голову казненного! Лицо было бледно, но черты его – спокойны: рот улыбался, глаза были полуоткрыты.

Винсент и Шарль Лебрэн опустили на колени, взяли голову отца и поцеловали его в губы. Затем они проговорили:

– Отец, над твоим телом мы клянемся, что не будем знать ни отдыха, ни радости, ни удовольствия до того часа, когда твоя невинность будет доказана.

Закон требует, чтобы тело было брошено в яму. Помощники палача подняли казненного за ноги и спустили труп в яму. Могильщик соскользнул в могилу и выровнял тело, еще не успевшее окоченеть. Затем он взял голову из рук сыновей и положил ее между ног трупа. Молившийся аббат бросил горсть земли в могилу.

Это оказалось уже выше сил несчастных. Братья разразились рыданиями с душераздирающими возгласами:

– О, отец! Отец!

– Плачьте, друзья мои, плачьте, – произнес аббат, – но будьте мужественны. Смерть ничего не значит – спасите его честь.

Винсент и Шарль оставались до тех пор, пока могила была совершенно засыпана.

Когда все было закончено, они огляделись и увидели, что помощники палача и жандармы уже уехали. Аббат предложил им свой экипаж, чтобы вернуться в Париж, но они отказались.

– Прощайте, дети мои, – сказал тогда аббат, – и не забывайте, что я весь в вашем распоряжении – днем и ночью, когда бы вам ни понадобилось. До свиданья!

Священник в свою очередь сел в экипаж. Оставшись вдвоем, несчастные молодые люди взялись за руки.

– Шарль, начнем сейчас же, – проговорил Винсент. – Пойдем к Берри.

– Да.

Опустившись на колени перед могилой, они помолились, затем покинули кладбище и, взявшись за руки, отправились в Париж.

Глава 3. Три брата

Сыновья Корнеля Лебрена были красивые молодые люди. Старшему, Винсенту, было двадцать четыре года. Ростом немного выше среднего, он был строен и изящен, одевался без всякой изысканности, но это скрадывалось изяществом и грациозностью движений. Бледное лицо его было очень выразительно: высокий лоб, обрамленный темно-каштановыми волосами, прямой нос, красиво очерченный рот с губами ярко-красного цвета, оттененный рыжеватыми усами; темные глаза, сверкавшие из-под длинных ресниц, придавали взгляду особенную прелесть.

Младшему – Шарлю, было двадцать два года. Почти такого же роста, как брат, он был тоже хорошо сложен и чертами лица напоминал брата. Но глаза у него были голубые, волосы – настолько светлые, что ресницы казались почти белыми. Маленький рот оттенялся шелковистыми усами.

Сначала они шли молча, и только на бульваре Госпиталя Винсент сказал Шарлю:

– Мы сегодня же начнем исполнение воли нашего отца. Я еще не знаю, какие средства мы употребим – поговорим об этом, когда будем спокойнее, но мне кажется, что, прежде всего мы должны договориться вот о чем: воля нашего отца должна остаться в тайне. Кроме нас никто не должен знать данного приказа. Будем делать вид, что покорились совершившемуся.

– Совершенно с тобой согласен.

– Благодаря такому образу действий истинный виновник будет жить спокойно, и мы легче достигнем нашей цели, воспользовавшись его уверенностью в безнаказанности. Но это решение должно касаться всех, даже нашей сестры. Мы одни должны знать, что отец оставил завещание.

– Да, брат.

– Я говорю тебе об этом для того, чтобы ты не проговорился у Берри.

Это были единственные слова, которыми они обменялись за всю дорогу.

После получасовой ходьбы братья пришли на улицу Барбетт в Маре.

Там они подошли к дому, стоящему в середине улицы, и постучались.

Им отворил молодой человек. Увидев их, он отступил назад, пораженный, и срывающимся голосом спросил:

– Почему вы пришли так рано?

– Мы пришли оттуда.

– Оттуда?.. Откуда?

Винсент сделал над собой усилие и глухим голосом проговорил:

– Это было сегодня утром. Мы пришли с казни.

– Все кончено?

Братья молча опустили головы. Открывший им дверь молодой человек закрыл лицо руками, словно желая прогнать зрелище, которое при их словах представилось его глазам.

– О, Боже мой! Боже мой!

Несколько минут продолжалось молчание, нарушаемое только рыданиями детей Корнеля Лебрена и вздохами того, к кому они пришли. Наконец, овладев собой, Винсент поднял голову, вытер слезы и, взяв молодого человека за руку, сказал ему:

– Андре, наш отец умер, и в настоящую минуту я глава семейства. Справедливо или нет – общество удовлетворено. Оно отомстило, наказывая нас. Первая обязанность, которую я должен исполнить – это заменить того, кого у нас отняли, и для этого я пришел к тебе.

Тот, кого звали Андре, весь погруженный в ужасные мысли о казни, едва ли слышал, что говорил ему Винсент.

Он качал головой, повторяя:

– Все кончено! Его казнили!

– Андре, – сказал Винсент, – не будем больше о нем говорить, а то нам не хватит мужества исполнить свой долг. Мы пришли поговорить с тобой о серьезных вещах.

– О серьезных вещах... – повторил молодой человек, поднимая голову.

Затем он пододвинул к камину два кресла, жестом приглашая братьев садиться, и, стоя перед ними, произнес:

– Теперь, друзья мои, я слушаю вас.

Винсент задумался на несколько минут, затем поднял голову и, пристально взглянув на Андре, сказал:

– Андре, прежде чем я продолжу, ты должен поклясться мне, что ответишь откровенно на мой вопрос. Поклянись!

– Клянусь тебе, что я скажу истину, – отозвался Андре, стараясь по лицу своего друга угадать, что он может у него спросить.

– Ты клянешься?

– Да, клянусь.

Винсент встал и, остановившись перед Андре, посмотрел ему прямо в глаза.

Шарль также поднял голову и глядел на Андре. Тогда старший брат заговорил.

– Андре, веришь ли ты в виновность нашего отца?

Молодой человек побледнел. Его губы задрожали. Было очевидно, что он затруднялся ответить. Он, казалось, колебался, и братья, наблюдавшие за ним, уже начали хмурить брови. Но он, секунду помедлив, сказал:

– Клянусь вам, я не считаю его виновным!

И он в свою очередь взглянул на братьев, пытаясь понять, какое впечатление произвел его ответ. Братья с благодарностью улыбнулись.

– В таком случае, я могу говорить с тобой откровенно, – сделал вывод Винсент, садясь на прежнее место.

– Разве вы сомневались во мне?

– Со времени ареста нашего отца ты не был у нас ни разу.

– Я извинился в письме.

– Это правда, но...

– Но, – перебил Андре, – вы подумали, что то, что я писал, было неискренним.

Братья наклонили головы в знак согласия.

– Вы подумали, что я оставляю вас в минуту несчастья, но вот истина: обвинение, выдвинутое против вашего отца, должно было расстроить предполагавшийся союз между вашей сестрой и мной. Со времени ареста Корнеля Лебрена вы отправили Маргариту к родственникам, чтобы спокойно посвятить себя следствию, которое должно было доказать невиновность вашего отца. Мои посещения для вас были бесполезны, я стеснил бы вас, а я не хотел этого. Мне казалось более приличным написать вам, что ввиду поразившего вас несчастья я прекращаю мои визиты, но готов служить вам каким бы то ни было способом.

– И это были истинные твои мысли?

– Да, я так думал и думаю.

– У тебя не было желания избежать общения с семьей убийцы?

– Я не верю в то, что Корнель Лебрен был убийцей, – твердым голосом ответил Андре. – Я был другом господина Лебрена – я продолжаю оставаться другом его сыновей.

– Мы явились просить у тебя большего, Андре.

– Говорите.

– Андре, ты любишь нашу сестру Маргариту?

– Я люблю ее по-прежнему.

– Наша сестра любила тебя. Мы явились спросить у тебя: сохранил ли ты к дочери казненного ту любовь, которую питал к ней раньше? Мы хотим узнать, достаточно ли ты ее любишь, чтобы жениться на ней? Если ты скажешь «нет», мы не будем испытывать к тебе ни вражды, ни ненависти. Надо быть сильным человеком, чтобы оградить дочь от падающей на нее тени обвинения, из-за которого пострадал ее отец.

Вопрос прозвучал категорически, нельзя было отделаться пустыми словами, и молодой человек понял это. Он опустил голову и страшно побледнел.

– Жениться на Маргарите... – повторил он вполголоса и смолк.

Братья ждали несколько минут, наблюдая за ним, но видя, что он не отвечает, переглянулись, покачав головами, и встали.

– Прощай, Андре, – сказал старший, – мы поняли тебя и не имеем права осуждать.

– Бедная Маргарита! – проговорил Шарль.

Они хотели выйти из комнаты, но Андре бросился к двери и, преградив им дорогу, вскрикнул:

– Я не сказал, что отказываюсь. Я даже не знаю, о чем думал. Просто мне пришли в голову требования светского общества, с которым человек вынужден иметь дело. Я, как и вы, убежден в невинности вашего отца, но для всех других она будет дочерью казненного. Но я не отказывался, я только обдумывал положение, которое готов принять. Дети не отвечают за своих отцов. Дочери, выходя замуж, принимают новое имя, и даже если бы отец был виновен, и Маргарита носила его имя, то и тогда она все-таки ни в чем не виновата, а моя любовь достаточно велика, чтобы защитить ее от тех, кто стал бы искать в ней кого-либо другого кроме мадам Берри. Шарль! Винсент! Мои дорогие братья, я прошу у вас руки Маргариты Лебрен, вашей сестры.

Несчастные молодые люди с мокрыми от слез глазами нежно пожали руку Андре. Затем все трое уселись вокруг камина, и Андре продолжал:

– Помолвка была уже объявлена, все было готово, поэтому понадобится намного времени, чтобы все завершить. И я полагаю, что вы желаете ускорить заключение этого брака.

– О, да. Мы мужчины и должны все перенести, но Маргарита остается без семьи, так как молодая девушка не может жить с двумя молодыми мужчинами.

– Я совершенно с вами согласен.

– Случившееся несчастье должно тяжело на нее подействовать! Она любит тебя, и ты один дашь ей силу, необходимую для того, чтобы противиться горю. Ты ее любишь, и мы снова убедились, что ты честный человек, вполне достойный любви, которую ты ей внушил. Мы знаем, что она будет счастлива. Завтра же мы займемся всем необходимым, и через две недели вы будете женаты.

– Да, мы обвенчаемся как можно проще, и не будем приглашать никого, кроме свидетелей.

– О нет, – перебил Винсент, – свадьба будет тихая, но такая, какая должна была быть. Мой отец требовал этого. Она будет венчаться в белом.

– Что ты говоришь? – произнес с удивлением Андре.

– Мы не будем носить траура по нашему отцу. Он мученик, и его смерть должна быть нашей славой.

– Как только Маргарита выйдет замуж, вы, по всей вероятности, станете искать настоящего виновного?

– Нет, эти поиски нам запрещены, – отвечал Винсент, следуя заранее обговоренному плану.

– Вы правы, друзья мои, постарайтесь забыть это.

– Да, мы забудем, – отозвались братья со странными улыбками.

– Разве Маргарита уже вернулась от тетки?

– Нет, мы вызовем ее завтра, и с завтрашнего дня ты будешь каждый день приходить к нам обедать.

– Отлично!

– У меня к тебе большая просьба. Пожалуйста, не говори ни слова при Маргарите о нашем отце.

– Бедняжка! Разве она ничего не знает?

– Нет, она все знает, но для нее и для нас гораздо лучше не говорить об этом.

– Да, вы правы. Она стала бы плакать, а слезы убивают некоторых людей.

Затем братья встали.

– До свиданья! До завтра, брат Андре!

– До свиданья, – отвечал последний.

Трое молодых людей обнялись, и братья ушли.

Заперев за ними дверь, Андре вернулся к камину, сел в большое кресло и несколько минут просидел, закрыв лицо руками, думая о том, на что решился.

– Странный союз! – проговорил он, наконец, по всей вероятности разогнав последние сомнения, которые мучили его при мысли о женитьбе на дочери казненного.

Глава 4. Завещание

Две недели спустя после событий, описанных нами, около одиннадцати часов вечера в освещенных окнах первого этажа ресторана Дор можно было увидеть человек двенадцать, сидящих вокруг большого стола. Они отмечали обедом брак Маргариты Лебрен и Андре Берри. Когда приглашенные на свадьбу приехали в ресторан, лакеи говорили:

– Право, можно подумать, что это не свадьба, а похороны.

Но благодаря хорошим винам обед мало-помалу оживлялся, и за десертом все были уже веселы.

Один из родственников жениха, торговец мебелью из предместья Сент-Антуан, отвел в сторону старшего из братьев новобрачной, Винсента.

– Мсье, – сказал он ему, – буду откровенен. Если мой племянник женился на вашей сестре, то, конечно, не по моей вине. Вы знаете, что мы, люди коммерческие, имеем предрасудки; во всяком случае, она – дочь человека, который был осужден... Осужден и казнен.

Винсент слушал с улыбкой на губах. Он был бледен и не шевелился.

– Вы скажете мне на это, что если отец был убийца, то из этого еще не следует, что сыновья и дочь люди не честные. Конечно, не могу сказать, что я сам воплощенная честность, и сын у меня негодяй, но это ничего не значит. Я говорил моему племяннику: «Ты напрасно женишься на дочери убийцы». Я человек откровенный и говорю то, что думаю.

Винсент был бледнее мрамора, на губах его выступила пена. Тем не менее, он отвечал:

– Да, вы откровенны.

– Да, таков уж я родился. К счастью, ваша сестра изменит имя. Но знаете, когда я сюда приехал, я говорил себе: «У них будет мрачный вид в трауре!» И что же? Невеста одета в белое, вы одеты, как все. Это удивило меня. Я сказал себе: «Почему они одеты таким образом?» А потом я понял и благодарю вас за это. Вы сказали себе: «Мой отец большой преступник, он обесчестил нас, но мы постараемся забыть об этом и в доказательство того, что мы о нем не жалеем, что мы не зависим от него, мы не будем носить по нему траур». Это очень хорошо, молодой человек! Я человек откровенный и говорю вам в двух словах – это очень хорошо!

– Благодарю вас, мсье, – откликнулся Винсент.

Старший сын Корнеля Лебрена стоял, опершись о стену и заложив руку за борт жилета. В продолжение всей тирады торговца мебелью он стоял совершенно спокойно и даже улыбался. Когда же родственник новобрачного отошел, Винсент глубоко вздохнул и вынул руку из-за жилета – ногти его были в крови: с такой силой он впился ими в грудь, чтобы сдержаться.

Около полуночи, когда гости стали разъезжаться, торговец мебелью сказал своему племяннику:

– Друг мой, дело сделано, его не переделаешь, но я надеюсь, что ты не будешь видеться с ее семьей, и разлучишь свою жену со всеми этими людьми.

– Да, дядюшка, насколько возможно.

Когда Шарль и Винсент подошли к сестре, чтобы проводить ее до экипажа, она обратилась к ним:

– Винсент, ты обещал мне, что в тот день, когда я выйду замуж, ты скажешь мне, почему мы не должны плакать, почему я как можно скорее должна выйти замуж; теперь я требую, чтобы ты сдержал свое обещание»

– Маргарита, повторяю тебе еще раз: все это тайна, которую знают и должны знать только дети казненного.

– Я помню это, Винсент.

В эту минуту к ним подошел Андре. Маргарита встала и, поцеловав брата, взяла мужа за руку.

Винсент пожал руку Андре, говоря;

– Мы отдаем тебе нашу сестру и знаем, что даем тебе верную и преданную подругу. Она хорошая партия, к тому же, женись на ней, ты делаешь доброе дело. Надеюсь, что вы будете счастливы.

Между тем гости громко кричали за столом, приглашая новобрачных выпить на прощанье.

Обнявшись еще раз, сестра и братья расстались.

Сыновья Лебрена вышли на шоссе, потом свернули на бульвар, идущий вдоль кладбища, и повернули направо на улицу Ла-Рокетт.

Проходя по площади, они оба сняли шляпы, затем, повернув на вторую улицу направо, постучались в дверь одного из домов. Им отворила старуха, и прежде, чем они успели заговорить, она спросила:

– Вы господа Лебрена?

– Да.

– Входите, господин аббат ждет вас.

Сопровождаемые старухой, молодые люди прошли на первый этаж. Старуха открыла одну из дверей и сказала:

– Господин аббат, господа Лебрена пришли.

– Хорошо, – отвечал голос, – пусть войдут.

Раскланявшись с аббатом, братья по его приглашению сели возле камина. Тогда аббат заговорил.

– Дети мои, – сказал он, – вы исполнили первое желание вашего отца, теперь руки у вас развязаны, и вы можете посвятить себя исполнению его следующего желания.

– Мы готовы сделать это!

– Он думал, что поступает благоразумно, поручив мне передать вам в этот час второе письмо. Боясь усиленного надзора, он пожелал, чтобы это письмо было передано вам только в тот день, когда те, которым нужна была его смерть, совершенно успокоятся, видя, что вы, забыв его трагическую кончину, думаете только о ваших личных делах, выдавая замуж свою сестру.

– То, что он желал, будет выполнено.

Аббат открыл свой письменный стол и вынул оттуда маленькое письмо в конверте без адреса.

– Вот это письмо!

Винсент взял его и подошел к лампе, чтобы прочитать, но аббат остановил его.

– Следуя приказаниям вашего отца, – предупредил он, – вы должны сломать печать и прочитать это письмо только тогда, когда останетесь у себя дома одни.

– Отец мой, – сказал Винсент, – мы благодарим вас за ваши заботы и с этого же дня займемся исполнением нашей обязанности. Мы спасем от позора память нашего отца. И перед началом этого трудного дела просим вас, принявшего его последний вздох, дать нам ваше благословение.

Сыновья казненного опустились на колени, а растроганный аббат протянул над ними руки со словами:

– Да будет над вами благословение Божие!

Винсент и Шарль Лебрена поднялись и поспешно вышли, торопясь домой, чтобы прочесть последнее письмо отца.

Было два часа ночи, когда братья пришли к себе на квартиру на улице Шарло. Было очень холодно, но, спеша узнать содержание письма, переданного им аббатом, они даже не подумали затопить камин, а поспешно зажгли свечу и принялись за чтение.

Вот что было в письме:

«Дорогие мои дети, я хочу сообщить вам одно сведение, которое поможет вам найти виновного. Когда несколько дней тому назад меня привели показать труп, я не увидел на пальце жертвы кольца, которое я подарил ей за шесть дней до этого. Его не было также в списке вещей, пропавших у мадам Мазель. Впрочем, вы знаете, что украдено было золото, банковские билеты и пара бриллиантовых серег – все это вещи, которые трудно узнать, но о кольце нельзя сказать того же. Оно довольно широкое, и на нем в лапке закреплен большой бриллиант, настолько большой, что его заметят, если он будет продан. На нем два пятна – я вам их нарисую на обороте этой бумаги. Кольцо это греческой работы, на нем нанесена золотая резьба, которая мешает заметить, что оно открывается. Если прижать одну из золотых пластинок, поддерживающих бриллиант, кольцо раздвигается, открывая надпись: «Корнель – Адели». Нет сомнения, что убийца сохранил это кольцо, так как правосудие ничего не знает о нем. Никому не известно, что вы о нем знаете, поэтому будьте осторожны. Я не говорил в суде, что накануне преступления видел мадам Мазель, так как это было бы лишним доказательством против меня, но вам я это могу сказать. В этот день я узнал, что вечером у нее должна была быть довольно большая сумма в золоте и банковских билетах. Надо узнать, кто мог проведать об этом, так как я убежден, что мадам Мазель говорила об этом только мне.

Корнель Лебрень».

Винсент перевернул письмо и увидел на обороте бумаги кольцо, тщательно нарисованное в четырех видах.

– Ну, – сказал он, складывая письмо, – завтра мы примемся за дело, а сейчас отдохнем.

После этого братья разошлись по своим комнатам, а с рассветом были уже на ногах, несмотря на то, что легли поздно, и вместе отправились на кладбище Иври.

Они пошли преклонить колени в этом Проклятом Углу, и молитва их была довольно продолжительной. Вернувшись в Париж, они решили расстаться.

– Куда ты отправишься? – спросил Винсент Шарля.

– Я иду к нотариусу мадам Мазель, чтобы узнать, через какие руки прошла находившаяся у нее сумма денег, прежде чем попасть к ней.

– Да, это будет полезно.

– Расспрашивая одного, другого, я увижу, куда это меня приведет. А ты?

– Пойду отыщу человека, чтобы он нанял для нас квартиру, в которой жила мадам Мазель.

– Но что скажут, если это узнают?

– Все, что угодно. Кто может помешать мне?

– Разве ты не боишься, что это может возбудить подозрения настоящего убийцы?

– Наоборот, свадьба нашей сестры, наше равнодушие заставят поверить в наш цинизм, а жизнь, которую мы будем вести, заставит всех предполагать, что мы отказываемся от нашего отца.

– Но с какой целью ты это делаешь?

– Чтобы шаг за шагом восстановить картину преступления.

– Каким образом?

– В той самой комнате, где было совершено убийство, я буду искать то, что было упущено следствием, и, без сомнения, мне удастся восстановить истину.

– Но, восстановив факты, ты еще не найдешь виновника.

– Конечно, но я буду на пути к этому. Мы соединим людей и обстоятельства и узнаем истину.

– Да, может быть, – задумчиво сказал Шарль.

– Для того, чтобы достигнуть цели, нам нужно много мужества. Ты не можешь себе представить, Шарль, сколько нам придется еще страдать. Нам днем и ночью придется бывать в различном обществе: на балах, в театрах, на праздниках. Нам, может быть, придется бывать

повсюду и делать веселый вид. Вчера, Шарль, я проделал опыт – один родственник Андре восхищался моим равнодушием. «Вы правы, – говорил он, – что отрекаетесь от вашего отца. Он был негодяй! Вы говорите, что он вам не отец, и развлекаетесь, веселитесь на свадьбе вашей сестры, не носите траура» и так далее.

– Тебе сказали это?

– Да, сказали.

– И ты не вышел из себя?

– Нет, напротив, я улыбался и соглашался.

– О, негодяй!

– Ты видишь, Шарль, что тебе не хватает мужества. Если ты не научишься сдерживаться, то рискуешь все погубить.

– Это правда, но как тяжело сдержаться, слыша, как оскорбляют отца – эту святую жертву.

– О, Боже мой! Это эгоизм всех людей, которые желают наследовать богатство и славу отца, а не его поступки и преступления. Они цинично признаются в этом, говоря, что деньги чисты. Мы же, что унаследовали от отца только эшафот, – мы составляем исключение, которому никто не может поверить. Нас хотят считать людьми недостойными и неблагодарными, не хотят верить, что мы могли быть признательны отцу. Мы свободны в наших поступках, и никто не подозревает о той миссии, которую мы выполняем.

– Я постараюсь быть твердым, – пообещал Шарль.

– Это необходимо, Шарль, необходимо. Не должно пройти и месяца, чтобы все убедились, что мы сыновья без души и без сердца – два искателя приключений, развлекающиеся, чтобы забыть о пятне, лежащем на их имени, проживающие деньги которые украл отец.

– Ах! Что ты говоришь!

– Я говорю то, что тебе скажут они, то, что ты должен выслушать спокойно. Ты должен стать на уровень людей, с которыми придется жить. Они поступили бы именно так. Почему же тебе сердиться за то, что тебя будут считать способным сделать это?

– Ты приводишь меня в ужас!

– Что сказал бы ты сам, видя их.

– Но для чего ты говоришь мне все это? – перебил Шарль. – Ты хочешь привести меня в отчаяние.

– В отчаяние!.. Ты с ума сошел! Наоборот, я хочу тебя сделать твердым. Я говорю тебе, что тебя будут оскорблять тут и там – будь готов все перенести. Ты не знаешь, что вчера, чтобы спокойно слушать этого человека и улыбаться ему, я должен был до крови разодрать себе грудь.

– Не бойся ничего, брат, ты увидишь, я буду мужественным.

– В таком случае – прощай, до вечера.

– Да, до вечера.

Братья пожали друг другу руки и расстались.

Глава 5. «Бешеная кошка»

На улице Захария находился странный кабачок: в него входили через длинный и узкий коридор с сырыми стенами и серым от пыли потолком. Этот коридор упирался в маленький грязный двор, через который нужно было пройти прежде, чем войти в святилище. Этим святилищем была довольно большая комната, которая, должно быть, была раньше конюшней. Стены, не оклеенные обоями, были покрыты самыми разнообразными рисунками мелом и углем.

В кабачке перед громадным прилавком стояло шесть столов, занимавших почти всю площадь комнаты.

Входящий в комнату погружался в необычайно плотную смесь запаха спиртного и дыма. Попав в этот смрад, новички кашляли, но постоянные посетители с восторгом вдыхали его полной грудью. Все вокруг было настолько грязным, что оставляло впечатление довольно странное и крайне неприятное.

Начиная с пяти часов вечера, посетители, вполне достойные этого места, расхаживали здесь взад-вперед. Все, что спаслось от каторги, все, что тюрьмы не хотели хранить, находилось тут. Когда полиция искала какого-нибудь убийцу или мошенника, она, прежде всего, делала обыск в этом месте. Нужного человека здесь могло не быть, но не было сомнения, что он сюда приходил.

Этот кабачок носил название «Бешеная кошка» из-за мрачной истории, происшедшей в нем.

В один прекрасный день основатель кабачка умер; вдова его, тетка Дюша, которая содержала и еще содержит этот дом, не считая нужным из-за таких пустяков останавливать обслуживание посетителей, оставила труп своего мужа в подвале, служившем спальней.

Когда для погребения тела несчастного явились гробовщики, они с испугом отступили, увидев его обезображенное лицо: нос и губы трупа были съедены кошками.

Прелестные посетители этого места не пропустили случая дать ему прозвище, и кабачок с этого дня стал называться «Бешеная кошка». Это было последним напоминанием о покойнике, вдова же стала хозяйкой «Бешеной кошки».

Ей было около пятидесяти лет. Мы несколькими словами опишем ее портрет. Она была не некрасива – она была отвратительна.

Ей помогал всего один человек – странное создание: красивый, как Квазимодо, высокий, как Мефистофель. Его руки были так длинны, что он легко доставал концы стола, не наклоняясь. Его звали Грибом.

Одни говорили, что это прозвище было дано ему из-за его носа, другие – из-за его горба.

Теперь, описав помещение, мы можем перейти к тем, кто находился в нем в один из сентябрьских вечеров около десяти часов.

В этот вечер посетители тихо переходили от стола к столу, разговаривая шепотом.

Не было сомнения, что в «Бешеной кошке» происходило что-то необычное, так как клиенты подзывали Гриба и глазами указывали ему на человека, сидевшего одиноко за столом, и после утвердительного знака прислужника снова начинали разговаривать.

Человеку, которым все интересовались, казалось, было лет от двадцати пяти до тридцати.

Довольно красивый собой, кроткий с виду, он выглядел, как рабочий, и, очевидно, был постоянным посетителем этого кабака, так как входя, потребовал:

– Гриб, кружку пива!

И сев за стол, положил на него кусок хлеба, который принес под мышкой.

Затем он вынул из кармана кусок колбасы, завернутый в бумагу, и начал обедать.

– Вы знаете, они опять приходили, – сказал ему хриплым голосом Гриб.

– А еще придут?

– Вы же знаете, – продолжал Гриб, – что наделаете дел, если будете привлекать сюда неизвестных нам людей.

Тогда незнакомец поднял голову и сказал:

– Но разве это моя вина? Я даже не знаю, кто они... И, кроме того, черт возьми, не приставайте ко мне, – прибавил он, пожав плечами и давая понять, что готов на все.

Гриб не ответил ни слова и подошел к столу, стоявшему в глубине, за которым сидели шестеро посетителей.

Когда они выслушали Гриба, между ними начался следующий разговор:

– Ну, это нам не нравится, и мы покажем ему это.

– Но я вам давно говорю об этом.

– Что ты говоришь?

– Я вам говорю, – повторил Гриб, – я вам говорю, что он был и есть еще...

– Полицейский? Он, может быть, пришел сюда для того, чтобы выдать нас...

– Очень может быть! – пробормотал один, искоса глядя на того, о ком говорили.

– И что он здесь делает? Разве он работает вместе с нами?

– Нет, он никогда не ходит на дело.

– В таком случае, для чего он сюда ходит?

– Да, действительно!

– Знаете что, – продолжал первый, – я скажу вам, что мы все дураки. Между нами постоянно отираются шпионы, а потом кому приходится расплачиваться? Все нам! Нет, мне все это уже надоело!

– Да, конечно, надо хоть раз хорошенько показать ему, что мы за люди.

– Вот именно! Гриб сказал нам, что вот уже четыре дня его спрашивает какой-то высокий мальчик.

– Зачем?

– Видимо, и человек, который его спрашивает – полицейский.

– Ты думаешь? – проговорили пятеро остальных, хмуря брови и сверкая глазами.

– Вам известно, что Гриб знаток, своего дела, его трудно обмануть. Он знает в этом толк, и сказал мне...

– Что он тебе сказал?

И все шестеро наклонились друг к другу, соприкасаясь головами.

Тот, который казался их начальником, продолжал:

– Он сказал мне: нет сомнения, что на этих днях было какое-то дело, и сюда подослали шпиона наблюдать за нами. Но это еще не все. Он прибавил, что если вы знаете господина Ладеша, то предупредите его.

– Неужели же мы позволим сделать это здесь у нас!

– Нет, никогда.

– Пусть кто-то начнет. Затем бросятся и все остальные.

– Но мне кажется, здесь будет не совсем удобно, – заметил один из негодяев.

– Здесь мы дома. Все предупреждены. Он наверняка полицейский. Напрасно он говорит, что тут замешана любовь. Во всяком случае, раз он был полицейским, то он навсегда им и останется, но надо отучить его от этого. Ну, кто же начнет?

– Я, – сказал один, вставая.

Это был человек огромного роста, бывший каменщик, проведенный на каторге пятнадцать лет. Его звали Пьер по прозвищу Деталь.

Видя, что он встает, все обычные посетители кабачка подошли к этой группе, догадываясь, что должно произойти нечто любопытное. Только один незнакомец продолжал спокойно уплетать обед, не замечая готовящегося против него заговора.

Пьер Деталь вытянул руки и пошевелил плечами, как бы желая убедиться, что сила не оставила его.

– Вы увидите, что я с ним живо разделаюсь, – проговорил он.

Тетка Дюша, знавшая, что подготавливается, с улыбкой наблюдала за этой сценой. «Наконец-то мы немного развлечемся», – думало это прелестное создание, так как у нее в кабачке можно было драться и даже убивать друг друга. Она смотрела на это совершенно спокойно, только бы не портили ее вещей.

Каменщик направился к столу, раскачиваясь и немного наклонив вперед голову.

Незнакомец наливал себе пиво, когда гигант встал перед ним и сказал насмешливым голосом:

– Скажи-ка, мой милый, любишь ли ты пиво, которое себе наливаешь?

Молодой человек поднял голову, нахмурил лоб и спрашивая себя, за что его оскорбили, и ответил тем же тоном:

– Я не понял, что вы от меня хотите.

– Сейчас увидишь.

С этими словами Пьер Деталь взял стакан, налитый молодым человеком, и залпом вылил его.

Все посетители «Бешеной кошки» разразились громким смехом.

Тот, кого оскорбили, таким образом, сильно побледнел и встал с угрожающим видом, сжав кулаки.

Но, сдержавшись, он взял стакан, только что опорожненный гигантом, и снова налил его до краев. Все присутствующие смотрели с недоумением.

– Одного стакана мало, – сказал незнакомец, – ты освежил себе только губы – надо освежить все лицо.

И он быстрым жестом выплеснул пиво в лицо Пьеру.

Среди присутствующих послышался ропот удивления.

Каменщик не пошевелился, продолжая стоять с мокрым лицом, как будто пиво, освежив ему лицо, в то же время заморозило кровь в его венах.

Но это спокойствие продолжалось только несколько мгновений.

Пьер Деталь вытер лицо рукой, и видно было, как вены на его шее наливаются кровью. С шумом вздохнув, он произнес глухим голосом:

– Я с тобой разделаюсь!

И наклонив голову, как разъяренный бык, он медленно двинулся навстречу своему противнику, а затем бросился на него.

Последний избежал столкновения, отскочив в сторону.

Все посетители сразу же образовали круг около сражающихся; одни становились на скамейки, другие влезали на столы.

Два борца схватились, сжимая друг друга в объятиях до такой степени, что кости трещали, и несколько мгновений в напряженной тишине слышалось только их прерывистое дыхание.

Вырвавшись из объятий каменщика, молодой человек обхватил его одной рукой за шею, а другой нанес несколько ударов.

Но исход драки не вызывал сомнений. Быстрым движением гигант вырвался из рук противника и, столкнув его на землю, сел на него верхом, подняв свой окровавленный кулак.

Очевидно, голова молодого человека была бы разбита страшным ударом негодяя.

Но вдруг среди зрителей поднялся страшный шум, а каменщик, готовящийся опустить свой кулак на голову противника, почувствовал, что его поднимают и бросают, как безжизненную куклу, в угол.

Дело в том, что в это самое мгновение Гриб крикнул: «Внимание! Полиция!»

Но Гриб ошибался.

Он слышал, что перед дверью остановился экипаж, и видел, что в кабачок входят двое людей, довольно хорошо одетых. Это происходило в то время, когда зрители кричали: «Смерть шпиону!»

В ту же самую минуту один из новоприбывших проговорил другому: «Это он!»

Растолкав столпившихся вокруг сражающихся и увидев, что каменщик одной рукой душит своего противника, а другая рука приготовлена, чтобы разбить ему голову, он бросился вперед, схватил негодяя за шиворот, с неслыханной ловкостью оторвал гиганта от его добычи и отбросил на несколько шагов от себя.

Услышав крик Гриба, все негодяи бросились на свои места.

Несколько мгновений прошло во всеобщем недоумении. Противник каменщика, поднявшись с пола, поворачивал голову и с шумом втягивал в себя воздух, чтобы убедиться – цела голова у него или нет; двое вошедших держались настороже; каменщик полз в глубину зала, боясь встать на ноги вблизи того, кто победил его.

Посетители «Бешеной кошки», обеспокоенные заявлением Гриба о появлении полиции, сначала смотрели исподлобья, но видя только двух изящно одетых молодых людей, начали мало-помалу успокаиваться и наконец, заговорили между собой.

Каменщик сильно ушибся во время падения и, ни слова не говоря, сел на свое прежнее место, рядом со своими товарищами.

– Что это за люди?

– Берегитесь их! Это сильные молодцы! – сказал Пьер Деталь.

– Гриб! – позвал вполголоса один из посетителей. – Знаешь ты этих людей?

– Высокий – это тот самый, который его спрашивал.

– А! В таком случае, они... Надо быть осторожнее.

– Не шевелитесь! – тихо проговорил Гриб. – Я слышал, что у дверей остановился экипаж. Весь двор, наверное, набит полицейскими.

– Пойди открой маленькую дверь – на случай, если придется постоять за себя, – велел один из посетителей.

– Будьте спокойны, – отвечал Гриб все так же тихо.

Одна только тетка Дюша спокойно стояла за прилавком.

Поднявшийся молодой человек поблагодарил вновь пришедших за неожиданную помощь, оказанную ему.

– Вы господин Панафье? – спросил один из них.

– А, так это вы, мсье, несколько раз приходили сюда и спрашивали меня?

– Да, я.

– Ну, – проговорил со смехом Панафье, – я очень рад, что познакомился с вами именно теперь.

– Я должен сделать вам одно очень важное предложение.

– Я к вашим услугам, мсье. Но мы должны уйти отсюда, так как эти господа могут снова напасть на нас.

– Хорошо, если вам угодно. Но, – прибавил он громче, – если бы этим господам захотелось побеспокоить нас, то у моего брата и у меня в кармане найдется, чем разбить головы десятку из них.

Панафье взглянул на группу, столпившуюся в глубине зала.

Мрачное молчание встретило слова незнакомца.

– Теперь можно сесть, – спокойно сказал он. – Они не тронут нас. Что же касается каменщика, то я с ним еще разделаюсь. Садитесь же, господа!

Двое незнакомцев и Панафье сели за стол, за которым Панафье перед этим начал обедать.

– Могу я узнать, господа, с кем имею честь говорить?

- Мы скажем вам наши имена, если вы согласитесь на наше предложение.
- Отлично, господа! Гриб, бутылку хорошего вина! Вы позволите мне предложить вам стакан? А теперь я вас слушаю.
- Мсье, – сказал тогда старший из братьев, – мне говорили, что вы знаете трущобы Парижа, что вы знакомы с преступниками и изгоями общества.
- Это правда, мсье. И вы сейчас могли убедиться, что мне не прощают этого.
- Как! Так все было из-за этого?
- Боже мой, да! Вот уже два года, как я живу среди этих людей. Вы очень хорошо понимаете, что я не разделяю ни их вкусов, ни их привычек, ни их принципов. Они напрасно старались понять причину моего присутствия среди них и, не придумав ничего, пришли к выводу, который служит здесь приговором: «Он полицейский!» И сейчас меня хотели заставить заплатить за это.
- Вы знаете все трущобы, где собираются...
- Убийцы, воры, негодяи. Да, мсье.
- Вы знаете этих людей? – спросил с некоторым смущением младший из братьев.
- Да, мсье, я знаю их имена, их жилища, если они их имеют. Я знаю все. И это в особенности их удивляет. Я знаю их преступления и приговоры.
- Одним словом, вы знаете, на что каждый из них способен?
- Да.
- Братья переглянулись, как бы говоря друг другу: «Нас не обманули».
- По причинам, которые не стану вам объяснять, я вынужден жить с этими людьми, воплотившими в себе пороки общества, ворами и убийцами, а также с теми, которые неминуемо должны ими стать и которые могут избежать этого только благодаря смерти.
- О ком вы говорите?
- О шулерах, об игроках, которые играют на чужие деньги и которые, чтобы играть, продают драгоценности своих любовниц.
- И вы знаете этих людей?
- Вполне!
- Вы знаете средства к существованию каждого из них?
- Средство к существованию для всех них одинаково – преступление.
- Я не так выразился, – возразил молодой человек. – Я хотел сказать, что вы можете заметить, если в один прекрасный день средства кого-то из них увеличатся необъяснимым образом.
- Да, конечно, я знаю места, куда каждый из них ходит. Я знаю его любовницу, знаю, чего она ему стоит или чего он ей стоит. Я знаю, что этот плутует в игре, тот таскает из карманов, а тот – из кассы. Знаю, что те воруют, предварительно совершив убийство. Одним словом, я знаю, чем каждый занимается, и знаю не только средства, но причину и цель.
- Вы приводите меня в изумление.
- Да, мсье, это тяжелая наука, в которой человек оставляет все то, что Бог дал ему доброго и человеческого. Это тяжелый путь, на котором, если человек не оставляет своей жизни, то очень часто оставляет свое сердце.
- Что заставило вас заняться изучением всего этого?
- Панафье поглядел на обоих братьев и ответил:
- Я уже сказал вам, господа, что не хочу открывать причину, заставившую меня поступать таким образом.
- Извините нас.
- Несколько минут продолжалось молчание, затем младший из братьев сказал другому:
- Надо переходить к делу! Давай спросим сейчас.

– Да, мсье, – перебил старший, – вот что я хочу от вас узнать. По причинам, которые так же, как и вам, мне не хочется называть, я хотел бы тоже изучить этот странный мир, хотел бы для этого посещать все трущобы и преступные норы, Я хотел бы, чтобы вы мне показали преступников, безнаказанно живущих в том обществе, где преступление называется работой.

– Боже мой, мсье, прежде чем обратиться ко мне, вы должны были узнать, что я беден и что...

– О, денежный вопрос для нас не существует.

– В таком случае, господа, я согласен.

– Вы согласны руководить нами?

– Да. Могу ли я теперь узнать, господа, с кем имею честь говорить? Это необходимо.

– Вот наши визитные карточки.

На карточках, поданных старшим из мужчин, Панафье прочитал: *«Винсент Лебрэн. Шарль Лебрэн. Улица Шарло»*.

– Завтра, господин Панафье, если вам угодно, мы будем ждать вас у себя дома и поговорим подробнее.

– Если вам все равно, я приду в десять часов.

– В десять часов. Отлично!

После этого все трое встали. Но в ту минуту, когда они хотели выйти, к ним подошел каменщик. Они отступили, готовясь к обороне, но Пьер Деталь поклонился и, вертя в руках фуражку, заговорил голосом, которому старался придать кроткое выражение.

– Господа, я явился извиниться перед вами от имени моих товарищей. Причиной того, что произошло, были сплетни и ложь. Я прошу господина Панафье простить меня»

Братья удивленно переглянулись. Панафье пристально посмотрел на Пьера, стараясь убедиться, не скрывается ли какая-нибудь западня за его словами.

– Почему ты оскорбил меня? – спросил Панафье.

– Я хотел затеять с вами ссору. Говорили, что вы будто бы полицейский. Но теперь мы видим, в чем дело, и не хотим ссориться с друзьями. Я выпил ваше пиво и пришел предложить вам выпить с нами в знак примирения.

Панафье хотел отказаться, но Винсент шепнул ему:

– Согласитесь, может быть, они нам понадобятся.

– Вы правы, – отозвался Панафье.

– Мы согласны, – громко сказал Винсент. – Только платить буду я.

– О, в этом отношении можете не стесняться, – раздался два или три голоса.

После того, как новые знакомцы чокнулись, надо было пожать друг другу руки, что молодым людям было не особенно приятно. Тем не менее, пришлось покориться. И провожая их, Пьер Деталь проговорил:

– Помните, господа, если вам понадобится кто-нибудь, то я всегда к вашим услугам.

Когда братья Лебрэн и Панафье вышли на улицу, Винсент спросил:

– Почему произошла эта перемена?

– Очень просто. Они принимали нас за полицейских агентов, а теперь...

– А теперь?

– Теперь они принимают нас за трех негодяев, таких же, как и они, которые условились вместе повернуть дело.

– Нечего сказать, очень лестно для нас!

Выйдя из кабачка «Бешеная кошка», они прошли по улице Захария до улицы Гюше и скоро подошли к Малому мосту.

Тут Панафье сказал братьям Лебрэн:

– Господа, я вынужден с вами расстаться.

– Вы идете не в сторону Маре?

– Нет, я должен встретиться с одним приятелем.

Говоря, что он уходит, Панафье, тем не менее, с видимым смущением продолжал стоять перед Винсентом и Шарлем, не трогаясь с места.

Братья тоже чувствовали смущение. А между тем все объяснялось очень просто.

Скудный обед Панафье, которому так неожиданно помешали, его костюм, более чем бедный, – все доказывало сильную нужду. Братья были готовы дать ему денег, но не знали, как их предложить. Что же касается Панафье, то он желал получить деньги вперед, но не знал, как об этом сказать.

Первым решился Винсент:

– Вы расстаетесь с нами, господин Панафье, и я могу на вас рассчитывать?

– Да, вполне.

– Но дело – всегда дело! Вы дали мне свое слово, я в свою очередь должен вам обязательство.

– Вы точно так же дали мне ваше Слово.

– Но вы знаете, что многие люди не смотрят на слова, как на исполнение обещания. Вы же – человек, который мне нужен, и я очень хочу сделать так, чтобы вы не могли отказаться.

– Вы, может быть, хотите, чтобы я подписал вам бумагу? – спросил, смеясь, Панафье.

– Нет, господин Панафье, обращаясь к вам, я знал, что вы за человек, и нисколько не нуждаюсь в письменном обязательстве. Завтра мы договоримся относительно плана. Вот и все.

– Но в таком случае я не понимаю, о каком обязательстве вы говорите.

– Дорогой господин Панафье, когда договариваются о каком-нибудь деле, то обыкновенно дают задаток.

– Да, это обязательство очень приятное.

– И я хотел бы вам его предложить.

– Но, – перебил более веселым тоном Панафье, – кроме этого обязательства существует еще другое, очень неприятное.

– Какое же?

– Если в течение двадцати четырех часов дело не состоится, то надо возратить задаток.

– Напротив, вы ошибаетесь. Если через двадцать четыре часа дело расстроится, то задаток принадлежит тому, кто его получил.

– Отлично!

– Вот, господин Панафье, задаток, и дело решено.

– Решено! – проговорил бедняк, протягивая руку.

– Берите!

Говоря это, Винсент сунул ему в руку сверток с двадцатью пятью луидорами.

– До свиданья, господин Панафье. Встречаемся в десять часов.

– До завтра, – проговорил Шарль.

– До свиданья, господа. До завтра. В десять часов.

Молодые люди пожали ему руки и удалились, тогда, как бедняк взвешивал в руке сверток, говоря себе:

– Не может быть! Похоже, это золото!

Тогда он поспешно побежал к фонарю, и разорвав сверток, с восторгом воскликнул:

– Золото! Золото!

И как бы против воли, он взял одну монету и бросил на тротуар, прислушиваясь к звуку, чтобы убедиться, что она не фальшивая.

– Нет, это настоящее золото! – весело вскричал он, подняв монету и разделяя содержимое свертка на несколько частей. Он начал раскладывать деньги по карманам, как вдруг кто-то ударил его по плечу. Он быстро обернулся и увидел перед собой своего недавнего противника.

– Пьер Деталь! – вскрикнул он, отступая и становясь в оборонительную позу.

Увидев это движение, гигант проговорил:

– Не бойся, Панафье.

– Но почему ты здесь?

– Потому что я следил за тобой и этими двумя людьми.

– Почему ты за мной следил? Что тебе надо?

– Панафье, я поступил с тобой, как негодяй. Я просил уже у тебя прощения. Теперь я пришел к тебе как друг и умоляю выслушать меня!

Молодой человек посмотрел на геркулеса, и увидев по его глазам, что он не лжет, сказал:

– Я слушаю!

Глава 6. Удары кулака иногда поддерживают дружбу

Прежде чем продолжить наш рассказ, представим читателю человека, с которым он познакомился под именем Панафье. Это был красивый мужчина лет двадцати пяти с бледным лицом, прямым носом и голубыми глазами. Его красиво очерченный рот казался созданным для улыбки, а густые каштановые волосы падали локонами на маленькие уши. Ярко-красные губы скрывали блестящие зубы. Он носил усы и бороду, которые были белокурого цвета.

Одетый очень бедно, в пальто, купленное по случаю, он тем не менее выглядел вполне прилично.

– Что тебе от меня нужно? – спросил он каменщика.

– Я хочу убедить тебя, что очень сожалею о случившемся.

– Этот разговор закончен. А дальше?

– В доказательство я пришел к тебе сказать вот что: в настоящее время у меня нет дела; я верю тебе; если у тебя есть какая-нибудь работа, то я хочу принять в ней участие, причем совершенно даром. Согласен ли ты принять меня?

Панафье взял Пьера Деталья за обе руки, и подведя к фонарю, заглянул ему в глаза.

– Почему ты делаешь мне это предложение? – спросил он.

– Выслушайте меня. Это очень просто. Мне сказали: «Он полицейский!» Тогда я напал на вас. Я думал, что попаду на труса. Я привык видеть, что люди отступают передо мной, вы же, напротив, дали мне достойный отпор, и, черт возьми, вы порядочно сильны. Я не говорю о ваших друзьях – они еще сильнее. Высокий – это не мужчина, а настоящий геркулес. Он поднял меня, как перышко. Я до сих пор еще не могу прийти в себя.

– Но все это не объясняет мне причины твоей дружбы ко мне.

– Вы не понимаете, что я вижу все очень хорошо. То, что говорили о вас – неправда. Вы работаете вместе с этими двумя франтами.

– Работаю?

– Да. Я не знаю, что это за работа, но я человек проницательный. Мне надоело работать с такой кучей оборванцев, как в «Кошке». Когда я с вами, я убежден, что меня поддержат, и если вам нужен человек, то я к вашим услугам. Согласен ли ты?

Панафье не знал цели, которую преследовали братья Лебрен, и подумал, что, быть может, человек такой силы, как Пьер Деталь, может им пригодиться. Поэтому он решил посоветоваться с ними.

– Я не могу дать тебе ответ сегодня, – сказал он. – Я подумаю и отвечу тебе завтра вечером.

– Вы на меня не сердитесь?

– Нет.

– О, вы увидите, господин Панафье, я искуплю сегодняшнее происшествие. Я человек невзыскательный, но мне нужно жить на какие-то средства – плохо или хорошо, все равно, было бы только, что поесть каждый день, и чтобы рядом были люди, на которых можно рассчитывать.

– Хорошо. До завтра. Встретимся в «Кошке».

– До завтра, господин Панафье!

– А главное, не говори никому ни слова!

– О, на это вы можете рассчитывать.

Говоря это, геркулес продолжал в смущении стоять перед Панафье.

– Ну, что ещё? – спросил последний.

– Неужели вам трудно пожать мне руку? – Панафье засмеялся и протянул руку гиганту, который пожал ее и пошел с веселым видом, сказав на прощание:

– До завтра!

Оставшись один, Панафье вынул из кармана пригоршню луидоров и, пересыпая их с руки на руку, воскликнул:

– О, как это хорошо – золото! Как она будет счастлива! Скорее домой!

И в то же мгновение, словно охваченный внезапной лихорадкой, он опустил золото в карман и побежал.

Так он прошел весь квартал Отель-де-Виль, поднялся на улицу Тампль и, наконец, пришел на улицу Пуату.

Тут он постучался в дом номер 12.

Когда дверь открыли, он, не переводя дух, взбежал на шестой этаж и постучался в дверь, находившуюся в глубине узкого коридора.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Луиза, это Поль! – отвечал Панафье.

– Сейчас! – отвечал тот же голос, и почти в ту же минуту дверь открыла молодая девушка лет семнадцати или восемнадцати, которая сердито сказала ему:

– Ты мог бы вернуться и раньше. Ведь я знаю, что тебя не работа задерживает.

Панафье ничего не отвечал.

Он молча взял Луизу за руку, и закрыв дверь, вывел девушку на середину комнаты.

– Что ты делаешь? – спросила она. – Ты опять собираешься делать глупости. Но я сегодня не расположена смеяться. Вместо того, чтобы проводить вечера в кабаках, ты мог бы прийти за мной в магазин и вернуться со мной вместе домой. Оставь меня в покое!

И так как молодая девушка хотела снова лечь в постель, то Панафье опять удержал ее со словами:

– Видела ли ты золото, Лизетта? Посмотри!

И Панафье вынул свои двадцать пять луидоров. Несколько минут Луиза в восхищении стояла перед маленькой кучкой золота.

– И все это твое? Твое?

– Да, мое, Луиза, то есть – наше!

– Что же мы будем с ним делать?

– Сначала поужинаем, а за ужином поговорим.

– Отлично! – весело воскликнула молодая девушка.

Забыв, что Панафье возвратился слишком поздно и не зашел за ней в магазин, она бросилась ему на шею и поцеловала в губы, говоря:

– О, как я люблю тебя, Панафье!

Теперь Панафье был богат и имел право делать что угодно. Он спустился с лестницы, разбудил привратника и сказал:

– Вставайте, Левассер!

– В такой час! Что случилось?

– Я голоден, – сказал Панафье самым естественным тоном.

– Вы голодны? – повторил цербер, приподнимая свой колпак и глядя на жильца, чтобы убедиться, не сошел ли он с ума. – Какого черта вы хотите от меня?

Панафье показал привратнику два луидора, говоря:

– Я хочу ужинать, Левассер. Вот что я хочу. Я знаю, что вас уважают в квартале. Поэтому вы пойдете и принесете нам ужин. Мадам Левассер, без сомнения, нам поможет, и мы побратски поделимся с вами.

Мадам Левассер сразу же приподняла с постели свое личико.

Внешне Левассер был некрасив, а его супруга – очень хорошенькая. Левассеру было пятьдесят семь лет, а его жене – тридцать пять, но она клялась, что ей двадцать девять и что ее муж был для нее отцом. Впрочем, она и называла его «папашей».

Услышав, что Панафье говорит: «Мадам Левассер, конечно, нам поможет, и мы поделимся», Нисетта – так звали мадам Левассер – отвечала, улыбаясь:

– Я готова помочь вам, господин Поль!

Сказав это, она встала, а Левассер, взяв луидор, отправился за покупками.

– Вашей жене было страшно, – сказал Панафье, когда привратник вернулся, – и поэтому я оставался с ней. А сейчас поторопитесь! Я же пойду вперед и в ожидании вас накрою на стол.

Сказав это, он поднялся наверх, в то время как Левассер, зажигая огонь, говорил своей жене:

– Какое несчастье, что этот господин Поль такой бедный. Какой он славный малый, и как он нас любит...

– Ну, – отвечала мадам Левассер, – ты всегда такой! Стоит кому-нибудь тебя пригласить – и этот человек становится совершенством. Что касается меня, то я не люблю этого Поля.

– Потому что о нем ходили разные слухи?

– Да, поэтому. Он так легко может скомпрометировать женщину.

– Но ты, кажется, хорошо знаешь, что я презираю сплетни.

– Не все похожи на тебя.

Говоря это, Нисетта отправилась наверх к Панафье, предоставив мужу заняться стряпней.

Мы не имеем ни малейшего желания заставлять читателя присутствовать на этом ужине и позднее расскажем о таинственных отношениях Луизы и Нисетты. Сами же отправимся ожидать Панафье у братьев Лебрэн.

Глава 7. Да здравствуют вино и красавицы!

На следующее утро, около девяти часов, братья Лебрен беседовали в ожидании Панафье, в то время как в столовой служанка накрывала стол на три персоны. Шарль, младший из братьев, спрашивал у Винсента:

– Итак, ты думаешь, что этот человек проведет нас по всем трущобам и игорным домам Парижа?

– Да, это моя цель.

– Но я не понимаю, для чего это нужно.

– А между тем это очень просто.

– В таком случае объясни. Вот уже год, как мы ищем, и ты нашел единственный след – два банковских билета.

– Да.

– Номера, которых были в перечне вещей мадам Мазель. Но, следуя по пути, пройденному этими билетами, мы столкнулись с игорными домами.

– Именно.

– В таком случае, нам, может быть, придется искать в игорных домах Германии?

– Эта работа будет напрасной. Игорные дома Германии сейчас закрываются. Следовательно, тот, кого мы ищем, должен вернуться в Париж, а ты знаешь пословицу, что горбатого могила исправит. Нет сомнения, что, возвратившись во Францию, он снова начнет играть. Во Франции нет легальных игорных домов, но их с успехом заменяют нелегальные.

– Но ведь ты ездил по всем германским игорным домам?

– Да, и там мог убедиться, что игрок неизлечим. Он играл, играет и будет играть, каковы бы ни были результаты его игры.

– И ты думаешь, что он игрок?

– Я убежден в этом; все, что я мог узнать в результате следствия, утверждает меня в мысли, что человек, совершивший преступление, не был простым убийцей. Эта найденная на лестнице карта, которая послужила таким ужасным доказательством против нашего увлекавшегося игрой отца, уже является очень сильным доводом.

– Да, это правда.

– И, кроме того, дорогой Шарль, если бы ты, как я, мог судить об игроках вблизи, ты понял бы это. Ты понял бы, как необходимо цивилизованному обществу иметь возможность наблюдать за этой страстью, за этим пороком. Ничто не может помешать игроку играть. Но постоянным надзором его можно несколько обуздать. Надо уметь удовлетворить его порок и в то же время ограничить его. Игрок с нетерпением ожидает начала партии. Правда, я видел сдержанных игроков, но таких очень мало.

– Однако, мне кажется, что образование должно было бы смягчить этот порок.

– Нисколько. Для бесчестного игрока недостаточно открытых игорных домов, и эта причина заставила меня вернуться в Париж. Для шулеров нужны игорные дома. Ах, чего я только не посмотрелся там! – продолжал Винсент, мешая угли в камине. – Я видел людей, которых страсть к игре, так сказать, душит за горло, которых ничто не останавливает. Как бы ни были они бедны, все равно нашли бы средства уехать в другой конец Европы и отвезти туда свои деньги, если бы им запретили играть у себя дома. Эти бедняги осуждают себя на всевозможные лишения в течение зимы, чтобы с открытием игорного сезона попытаться счастья и обогатиться. Они скапливают двадцать пять луидоров, скапливают их тяжелым трудом, не досыпая ночей, дрожа от холода, и эти деньги проигрывают в течение нескольких дней. И, тем не менее, никогда не перестают играть. Если они не в состоянии играть там, где игра ведется честно, они отправляются в игорные дома, где их будут обкрадывать. Не раз баденский игорный дом

доставлял несчастных игроков за свой счет на родину. Его хозяин, господин Дюпрессуар, утешил не одного бедного игрока, уезжающего от него в отчаянии. Но игорные дома безжалостны. Они разоряют, и игрок, проигравшись в них, имеет только два выхода: смерть или преступление.

– Был ли ты в игорных домах?

– Да, в Лионе, возвращаясь из Германии и здесь.

– Видел ли ты что-нибудь любопытное?

– О, да, в одном игорном доме на улице Тур однажды я видел вошедшего в зал молодого человека с бледным лицом, обрамленным длинными каштановыми волосами, одетого в черный бархат. Улыбаясь, он бросил на стол десять первых луидоров. Проиграл раз, другой, третий, четвертый, пятый, каждый раз удваивая ставку, и продолжая смотреть на женщин, этих молодых женщин с белыми плечами и белыми руками, ногти которых – когти, и которые улыбались ему. Он же невозмутимо опускал руку в карман платья и вынимал оттуда луидоры пригоршнями. Этот игрок по-прежнему проигрывал, и наконец, наступила минута, когда со сжатыми зубами и нервной улыбкой он вынул из кармана последнюю пригоршню. Одна из девушек сказала ему на ухо: «Вы постоянно ставите на один и тот же цвет – измените его». И в ту минуту, когда крупье говорил, что все ставки сделаны, он переставил свои деньги на другой цвет – и снова проиграл. Тогда он сразу же вышел из зала и спустился по лестнице, казалось, совершенно спокойный. А вечером привратник сказал, что в подвале нашли повесившегося. Это был бедный молодой человек, которого мы видели несколько часов тому назад. Я думал, что его поступок послужит примером посетителям игорных домов.

– И что же?

– Как только тело вынули из петли, все, что сошли вниз посмотреть на него, бросились к нему и начали поспешно делить веревку между собой, чтобы еще поспешнее вернуться и снова занять свое место у зеленого стола.

– О, это ужасно!

– В одном игорном доме в Лионе на Ронской набережной я видел, как вошел мужчина лет тридцати. В течение целого часа он постоянно проигрывал. Наконец, вынув из кошелька последние деньги, он бросил их на стол и, облокотившись головой на руки, опустив правую руку в карман платья, ждал. Когда лопатка крупье загребла его деньги, он вынул руку из кармана, наклонил голову, как бы желая посмотреть на деньги, которые собирается поставить, и когда крупье закричал: «Господа, делайте ваши ставки!», в зале раздался выстрел, и несчастный упал на ковер с разбитым черепом.

– И на этих людей мы будем смотреть, – с отвращением произнес Шарль Лебрэн.

В эту минуту вошла служанка со словами:

– Вас спрашивает господин Панафье!

– Очень хорошо, введите его, – распорядился Винсент.

И через несколько мгновений служанка ввела Поля Панафье.

С вечера Панафье сильно изменился. Часть полученных денег он употребил на приобретение приличного костюма и имел очень недурной вид в своем новом платье.

– Здравствуйте, – сказал Винсент, протягивая ему руку. – Мы ждали вас, чтобы сесть за стол.

– Разве я опоздал?

– Нет, нисколько. Жанетта, подавайте завтрак!

Молодые люди сели за стол и начали завтракать. Когда поставили кофе, Винсент проговорил:

– Теперь, господин Панафье, если вы согласны, поговорим о деле.

– Я к вашим услугам.

Винсент помолчал несколько мгновений, потом начал так:

– Мы имеем о вас самые подробные сведения, которые дал человек, указавший нам на вас.

– Кто этот человек?

– Один из полицейских чиновников.

– А-а, в таком случае, вам должны были сказать, что если я и служил в полиции, то только потому, что имел на это особые причины. Но я не сделал свою службу профессией.

– Он нам говорил это. Мы знаем, кто вы такой, и вот почему мы обратились к вам. Мы желаем приобрести и друга, и руководителя в одно и то же время.

– Вы слишком добры, господа.

– Нам сказали, что мы можем, что бы ни случилось, рассчитывать на вашу скромность.

– О, в этом можете не сомневаться, – улыбаясь, заметил Панафье.

– Я говорю вам это потому, что вы можете не согласиться на наше предложение. В этом случае вы не должны никому говорить о нашем разговоре.

– Даю вам честное слово и признаюсь, что ваши предосторожности возбуждают мое любопытство.

– Вы помните наши имена?

– Да, конечно, – с удивлением отвечал Панафье. – Ваши имена – Винсент и Шарль Лебрэн.

– Помните ли вы о преступлении, которое наделало много шума в прошлом году?

– В прошлом году? – Панафье посмотрел на братьев с некоторым беспокойством. – Что вы хотите сказать?

– Мы говорим об убийстве мадам Мазель.

– Мадам Мазель... Я припоминаю. Дело Корнеля Лебрена. Лебрэн...

– Лебрэн, – повторили братья.

– И вы...

– Сыновья Корнеля Лебрена.

– А-а!

Несколько мгновений длилось молчание, и Панафье, не решаясь спрашивать, ждал, пока заговорят братья.

– Господин Панафье, – сказал тогда старший, – мы убеждены, что наш отец был осужден безвинно.

– Мы это знаем, – сказал Шарль.

– Вы это знаете...

– Да, и желаем найти виновного.

– Я вас понимаю, – откликнулся Панафье.

– Эшафот отнял у нас нашего отца, и мы хотим восстановить его честь. И потому мы нуждаемся в таком человеке, как вы, в таком человеке, который стал бы нам помогать в наших поисках.

– Эта роль мне очень нравится.

– Вы согласны? Вы поможете нам найти виновного?

– Да, даю вам слово.

– Благодарим вас!

И братья с жаром пожали руку Панафье.

– Я не знаю обстоятельств дела и хотел бы изучить все бумаги, которые его касаются.

– У нас все это есть.

– Чтобы найти настоящий след, нужно будет восстановить все обстоятельства преступления. Это было здесь?

– Нет-нет! Мы купили всю мебель и оставили все, как было во время преступления.

– В таком случае, это будет очень интересное следствие.

– Наш отец, мсье, поручил нам сделать это.

– Найти виновного?

– Да.

– Хорошо, господа, я согласен. И клянусь вам, что сделаю все возможное. Я стал сыщиком почти по такой же причине: одна дорогая мне женщина была убита, и я решил найти ее убийцу. Я напал на его след, но он оставил Францию. Мне пришлось прекратить свои поиски. Я занимался этим делом три года. Мной руководил человек, имеющий большой опыт в этих делах, и могу дать слово, что в настоящее время я почти сравнялся с ним, если не превзошел его. Ваше дело вполне благородно, господа, и я помогу вам.

– Отлично! Когда мы начнем? – спросил Шарль.

– Мы начнем сегодня же. Вы расскажете мне все подробности следствия и судебного процесса. Я изучу их сегодня ночью, а завтра или послезавтра мы отправимся смотреть место преступления и через несколько дней нападём на след. Нас трое, и я хочу пригласить еще одного помощника, который будет работать вместе с нами, не зная, что он делает, но который будет нам полезен благодаря среде, в которой он живет и для которой в настоящее время подозрителен.

– Объясните, пожалуйста.

Тогда Панафье рассказал о предложении, сделанном ему накануне Пьером Деталем, и было решено сделать из него помощника, не посвящая его в суть дела.

– Согласны ли вы, – спросил Панафье, – описать мне вашего отца и его отношения с жертвой преступления?

– Охотно.

– Может быть, было бы лучше рассказать господину Панафье все обстоятельства преступления? – предложил Шарль брату.

– Да, конечно. Что вы на это скажете, господин Панафье?

– Если вы станете мне рассказывать о преступлении, то вы невольно будете избегать обстоятельств, которые вольно или невольно послужили главным обвинением против вашего отца. Простите мне, но вы можете быть пристрастны; вы представите все дело в выгодном для вашего отца свете. А для того, чтобы бороться против обвинения, чтобы найти факты, оправдывающие вашего отца, я должен узнать все от лица, совершенно непричастного к этому делу.

– У меня есть рапорт следователя, но он ужасен для нашего отца. Да, я чуть было не забыл, – вдруг сказал Шарль, – у нас есть также донесение первого агента, который рассказал только то, что он видел.

– Да, действительно.

– Рапорт агента?

– Да, и очень даже любопытный.

– Прочитайте мне его.

– Он очень прост, наивен и глуп, но в нем видно желание добиться истины.

– Главное желание было, чтобы его прочли. Это донесение составлено наподобие романа.

– Это мне и нужно.

Тогда Винсент встал, принес бумаги и положил их на стол.

В то время как он искал копию донесения, Шарль предложил Панафье сигары, и последний спокойно уселся в кресло, приготовившись слушать. Братья, отложив свои сигары, сосредоточились, и Шарль Лебрэн, опершись на спинку стула, приготовился слушать брата.

Вот что прочел Винсент:

«Преступление на улице Фридлан. Госпожа Мазель живет на улице Фридлан на Елисейских полях в Париже. Ее дом открыт и днем, и ночью и служит местом свидания для игроков всякого рода.

Однажды ночью она ужинала, как обычно, с господином Пуляром.

Затем легла спать. Этот аббат имеет с госпожой Мазель самые близкие отношения. Он приказывает ее слугам и почти такой же хозяин, как она. Более трех лет он ест и пьет в этом доме, ночует то в комнате, которая отведена ему в доме госпожи Мазель, то в квартире, которую он снимает на той же улице. Комната, которую он занимает у этой дамы, находится над ее уборной и сообщается со спальней маленькой лестницей, которая оканчивается дверью, расположенной настолько близко от кровати, что она может ее открыть, лежа на постели.

На следующий день, второго октября, ее нашли убитой пятьюдесятью ударами кожа.

Я нахожу на постели госпожи Мазель обрывок черного шелкового галстука, который весь пропитан кровью, и окровавленный платок с цифрой «б» на нем. Я предположил, что госпожа Мазель, защищаясь, сорвала с убийцы этот галстук и платок, которым завязана была его голова. В правой ее руке я нашел несколько волосков. Шнурок от звонка завязан на несколько узлов так, что до него нельзя достать. Я нахожу в камине нож, ручка которого наполовину обгорела. На его клинке нет ни малейших следов крови, но я думаю, что эти следы исчезли от огня. Я не нахожу ни малейшего следа взлома, ни на дверях передней, ни в спальне. Двери, выходящие из спальни на маленькую лестницу и в гардеробную, запираются изнутри на задвижку. В спальне есть шкаф, открыв который, я нашел кошелек с двумястами семьдесятю восемью франками. Я нашел также в шкатулке четыре мешка из-под денег, разрезанных ножом и окровавленных, так как на двух мешках остались следы крови. Затем нахожу маленький пустой мешочек с надписью «Аббат Пуляр». В этом мешочке оказалась четырехугольная коробочка, в которой госпожа Мазель прятала свои драгоценности. Эта коробочка была пуста. Обыскав платье убитой, я нахожу семьдесят ливидоров. Я расспросил двух горничных, и они указали мне на некоего Лебрена, второго любовника госпожи Мазель. Я позвал этого человека, и он объяснил мне, что приходил накануне и был только другом Мазель. Я прошу его рассказать мне о причине его посещения. Он отвечал, что приходил в гости к мадам Мазель и, выходя из ее комнаты, разговаривал на лестнице с ее служанками. Расставшись с ними, он сошел вниз в маленькую гостиную, положил свою шляпу на стол и, усевшись поудобнее перед камином, задремал. Проснувшись ночью и найдя все двери закрытыми, за исключением той, что выходила на улицу, он вышел и запер ее за собой. При помощи комиссара я обыскал Лебрена и в кармане у него нашел ключ, который подходит к замку двери в ее спальню. Этот ключ являлся веским доказательством против него, и я посоветовал господину комиссару арестовать его. После этого я примерил Лебрена платок, свернутый в виде ночного колпака, и он пришелся как раз ему впору. Тогда я расспросил кучера и повара, но они не сообщили мне ничего нового. Продолжая свои поиски, я нашел возле маленькой лестницы длинную новую веревку с узлами, очевидно, служившую лестницей. Тогда я приказал осмотреть Лебрена и не нашел ни на его платье, ни на теле ни малейшего признака крови, ни малейшей царапины. Продолжая поиски, я нашел в погребе дома, под кучей соломы, рубашку, весь перед и рукава которой были окровавлены, а на одном из боков были ясно видны отпечатки окровавленных пальцев. Опечатав всю квартиру и оставив полицию в доме, я ушел, чтобы вместе с арестованным сделать обыск у него на улице Руль. Я нашел там корзинку с вещами, в которой были ключ, пилочка

и салфетка с меткой «С.Л.» – и ничего больше, что могло бы служить в пользу его обвинения. Я взял белье, чтобы, сравнить его с рубашкой, но белошвейки говорят, что оно не имеет ни малейшего сходства с окровавленной рубашкой. Господин комиссар передал экспертам ключ, найденный у Лебрена. Этот ключ открывает не только дверь на улицу, но также и дверь в переднюю и две другие двери в спальню госпожи Мазель. Так как на дверях не было никаких следов взлома, то ключ, найденный у Лебрена, я считаю уликой. Я просил комиссара арестовать Лебрена и предоставить его в распоряжение следствия.

Составил 3 октября 1869 года.

Вилардье».

– Это все. Что вы об этом думаете?

Панафье внимательно выслушал чтение документа.

– Это очень любопытно.

– И что вы скажете?

– В этом деле есть тайна, которая возбуждает мое любопытство, но прежде, чем искать преступника, нужно восстановить картину преступления, нужно осмотреть место, где оно было совершено, найти и изучить людей, которые названы в этом донесении.

– Мы можем найти всех людей, бывших в это время в доме, кроме аббата.

– Как! Разве он не появился на процессе?

– Нет, его не нашли.

– Что вы говорите?! Аббат исчез на следующий день после преступления, и ваш отец был приговорен? – вскрикнул Панафье, изумленный этой бессмыслицей. – Но ведь этот аббат жил в доме, был в интимных отношениях с госпожой Мазель – и вдруг исчезает на следующий день после совершения преступления... Нет сомнения, что настоящий виновник его – аббат.

– Но вы не знаете, в чем состоит обвинение, – сказал младший из братьев. – Наш отец был осужден за убийство госпожи Мазель и ее любовника, аббата Пуляра, окровавленное белье которого было найдено в подвале. Наш отец был обвинен в том, что он убил его и запрягал труп.

– А, черт возьми! Это усложняет дело. Одежда аббата была найдена?

– Да, она была разорвана и окровавлена. Белье, найденное в подвале, принадлежало ему.

– А тело?

– Исчезло. Так что не было никакой возможности узнать, что с ним случилось.

– А что было в карманах платья?

– Ничего, только бумаги. И ни копейки денег.

– Его обворовали?

– Вполне вероятно.

Панафье задумался. В противовес братьям Лебрена он верил в виновность Корнелия Лебрена. Он поднял голову и спросил:

– Ваш отец был богат?

– Да, он пользовался доходами с имений нашей матери. Это около пятнадцати тысяч франков в год. Кроме того, отец имел шесть тысяч франков собственного дохода.

– Я прошу вас извинить меня за эти вопросы. Они имеют только одну цель – облегчить мне изучение хода следствия и судебного процесса, и не свидетельствуют о моих сомнениях в невиновности вашего отца.

– О, говорите, и не бойтесь ничего. Мы привыкли выслушивать обвинения против нашего отца и знаем, что они, увы, основываются на ужасных фактах.

– Ваш отец имел с мадам Мазель только дружеские отношения?

– Наш отец был любовником мадам Мазель.

– Замечательно! Это объясняет наличие ключа, который был у него, и многое другое. Был ли в то время ваш отец в стесненном положении вследствие своих дел или спекуляций?

– Нет.

– Был ли он ревнив?

– Наш отец любил пожить. Овдовев очень рано, он вел веселую жизнь и смотрел очень снисходительно на поведение своих любовниц.

– Сколько лет было Мазель?

– Она была молода и очень хороша собой. Мадам славилась своей красотой.

– Была ли она богата?

– Богата? Нет. Но выигрывала очень много денег.

– Как, выигрывала много денег?..

– Да, она принимала гостей два раза в неделю, и у нее велась крупная игра, большая часть доходов с которой, я убежден, переходила в ее карман.

– Одним словом, это был игорный дом.

– Да, игорный дом.

– Зачем же, черт возьми, ваш отец ходил в это место?

– О, все очень просто – наш бедный отец был игрок.

– Да, это меняет многое.

И Панафье, качая головой, говорил себе: «Очевидно, что даже если он не виновен, поведение его таково, что заставляет верить в его виновность. Богатый человек, посещающий игорный дом, отец семейства, имеющий любовницей какую-то странную женщину, позволяющий ей иметь связь с аббатом... Что касается меня, то я на стороне присяжных. Но чувство, руководящее этими двумя молодыми людьми, слишком похвально для того, чтобы я стал приводить их в отчаяние, говоря им это. И, кроме того, не все ли мне равно, каким делом заниматься».

Подумав так, Панафье поднял голову и сказал братьям:

– Послушайте, господа, сегодня я вам ничего не могу сказать. Если вы позволите, я унесу с собой все бумаги, касающиеся следствия и процесса. Я рассмотрю их завтра и сообщу вам мое мнение.

– Хорошо.

– Если я увижу возможность добиться чего-нибудь, если я найду какой-нибудь светлый уголок в этом темном деле, то я присоединюсь к вам.

– В таком случае – берите, – сказал Шарль Лебрэн, подавая ему сверток с бумагами.

– Что это такое?

– Это копии всего. Так гораздо легче читать, и кроме того, вы понимаете, что мы желаем сохранить подлинные документы.

– Можете ли вы, господин Панафье, прийти к нам сюда через два дня в это же время?

– Я приду к вам завтра, мсье. Если понадобится, то я проведу за изучением дела всю ночь.

– Благодарим вас! – воскликнули братья, протягивая ему руки.

После этого Панафье вышел, унося с собой бумаги и думая про себя: «Этот Корнель Лебрэн последний из негодяев, который расстроил состояние своих детей и убил эту женщину и аббата, чтобы украсть деньги, которые, как он знал, находятся в шкафу. Но, во всяком случае, за пятьсот франков я могу прочесть все это. Мне часто приходилось выслушивать гораздо больше только за обед».

В то же время Шарль говорил брату:

– Я думаю, что он точно так же, как и мы, убежден в невиновности нашего отца.

– Что-то говорит мне, что он найдет виновного! – отвечал Винсент.

Глава 8. Панафье начинает надеяться

Панафье пришел к себе в ту самую минуту, когда Нисетта Левассер с полной корзиной провизии поднималась по лестнице. Убедившись, что никто их не видит, он спросил Нисетту:

– Куда ты идешь?

– К вам.

– Ко мне? Для чего?

– Но ведь мы будем ужинать вместе сегодня вечером.

После этого они вместе поднялись, и пока обе молодые женщины занимались приготовлениями к ужину, Панафье стал просматривать дело. Он вскоре совершенно погрузился в чтение, бормоча:

– Они сумасшедшие!

Когда ужин был готов, обе дамы, очень довольные, сели за стол.

Но Панафье был задумчив.

– Что с тобой? – спросила Луиза, видя его нахмуренное лицо.

– Я изучаю одно дело, которое меня сильно смущает, так как я рассчитывал на него.

– Какое дело?

– Ты ничего в этом не понимаешь.

– Ах, как ты меня сердишь, когда говоришь такие слова. Послушав тебя, можно подумать, что я настоящая дура.

– Я не говорю, что ты дура, но это для тебя несколько не интересно и не смешно.

– Откуда ты знаешь?

– Да скажите ей, в чем дело, если ей хочется знать, – вмешалась Нисетта.

– Дело идет о женщине, которая получила пятьдесят ударов ножом.

– Пятьдесят ударов ножом? – вскрикнули, вскочив, обе женщины.

– И ты еще говоришь, что это не интересно! – прибавила Луиза.

– Где это произошло? Когда? – сказала, подвигаясь вперед, Нисетта.

– О, давно. Уже прошел год, – проговорил Панафье, пожимая плечами. – Это дело Мазель и аббата Пуляра.

– Да, это было уже давно, – сказала Нисетта, – но я знаю этого аббата Пуляра.

– Ты!.. Вы знаете аббата Пуляра? – поспешно поправился Панафье.

Нисетта покраснела, и Поль приписал это сделанной им ошибке в обращении.

– Откуда вы его знаете? – продолжал он.

– О, это очень странный аббат. Он три четверти своего времени проводит без рясы.

– Вы видели его в светском платье?

– Да.

– Но говорят, что будто бы его убили.

– Это неправда.

– Как неправда?!

– Конечно, неправда, потому что я его видела.

– Вы его видели?

– Да, как вижу сейчас вас.

– Аббата Пуляра?

– Да, аббата Пуляра, только в светском платье.

Панафье задумался.

– Ах, как все это скучно! – протянула Луиза. – Поговорим лучше о другом.

Панафье покорно покачал головой, как бы желая прогнать беспокоившие его мысли, и в свою очередь сказал:

– Вы правы, поговорим о другом. Впрочем, Луиза, позволь тебе заметить, что ты сама потребовала, чтобы я начал разговор об этом.

– Да, и теперь прошу у тебя за это прощения.

– Объясни-ка лучше, где и когда вы так подружились с любезной Нисеттой Левассер?

– Ожидая вас по вечерам, мсье, – отозвалась Нисетта, – мадемуазель Луиза часто приходила к нам, и в это время между нами завязалась дружба.

– Она мой лучший друг! – подтвердила Луиза, пожимая руку Нисетте.

– Я ее утешаю, когда вы ее огорчаете, – зло заметила подруга Луизы.

– Это очень любезно с вашей стороны, – пробормотал Панафье.

Но его больше всего занимала мысль, как узнать от Нисетты все, что касалось таинственного аббата.

По окончании ужина он сразу же вышел, чтобы отправиться на свидание, назначенное им Пьеру Деталю. Но выходя, он тихонько шепнул Нисетте:

– Дождись меня в любом случае. Я вернусь после полуночи, и мне надо поговорить с тобой наедине.

– Хорошо, – ответила Нисетта.

Как только они остались одни, обе дамы сели рядом, и Луиза, наклонившись к своей подруге, упрекнула:

– Зачем ты ему сказала о Пуляре?

– Сама не знаю. Я сразу же в этом раскаялась, впрочем, тебе нечего бояться. Он его не знает.

– Он будет стараться познакомиться с ним.

– Неужели ты думаешь, что он подозревает что-нибудь?

– Но я все равно его боюсь.

– Ты сумасшедшая! – сказала Нисетта.

– Скажите мне, господин Поль, что моя жена все время делает у вас? – говорил в то же самое время господин Левассер своему жильцу. – Она почти не выходит из вашей квартиры.

– Э-э... ваша супруга так любезна, что мадемуазель Луиза очень дорожит ее обществом.

И он ушел, говоря себе: «Что это значит? Я видел, какой взгляд бросила Луиза, когда Нисетта говорила о Пуляре. Какая таинственная цепь связывает все это? Будем немые, но смотреть будем хорошенько».

Глава 9. Панафье получает полезные сведения

Когда Панафье пришел в «Бешеную кошку», прелестное общество, знакомое нашему читателю, было уже все в сборе.

При виде Панафье Пьер Деталь встал и бросился навстречу ему, чтобы пожать руку.

Обычные посетители, сидевшие в глубине зала, потеснились, чтобы дать ему место между ними.

– Сегодня вечером мы говорили о тебе, – сказал ему Пьер Деталь.

– Что же вы говорили?

– Все сожалеют о вчерашнем происшествии. Это так глупо, что люди, подобные нам, могли ошибиться.

Панафье не имел никакого желания объяснять свое поведение, и так как ему казалось полезным быть принятым за негодяя, то он не возражал.

– Все кончено, – сказал он, – не будем больше об этом говорить.

– Значит, вы на нас не сердитесь, господин Панафье? – спросил Ладеш.

– Конечно, нет.

– Хорошо. В таком случае, вы согласитесь сегодня выпить с нами стакан водки?

– Благодарю вас.

– Я вам всегда говорил, – сказал Ладеш протяжным тоном парижанина, обращаясь к окружающим, – я всегда говорил, что господин Панафье настоящий мужчина. Это сразу видно. Эй, Гриб, подай две бутылки.

Пьер Деталь сел рядом с Панафье и спросил вполголоса:

– Ну что, согласен ли ты взять меня?

– Да, я тебя беру, но на определенных условиях.

– Условия – какие тебе угодно. Я на все согласен.

– Мы поговорим об этом в другом месте, – тем же тоном сказал Панафье, – а сейчас молчи!

– Я нем, как рыба.

Ладеш разлил две бутылки и, подав один стакан Панафье, чокнулся с ним, говоря:

– За ваше здоровье!

– За ваше!

Выпив стакан, Панафье сказал:

– Господа, кто помнит о деле Лебрена?

– О деле Лебрена?! – повторил Ладеш. – О том, которого укоротили в прошлом году?

Да, я припоминаю... Почему ты об этом спросил?

– Я недавно разговаривал об этом и забыл, какого числа это было.

– О, я отлично это помню, – сказал Ладеш, – я знаю эту историю.

– Да? Ты ее знаешь? – равнодушным тоном спросил Панафье.

– Черт возьми, он не хотел болтать, но он был не один. Вы понимаете, не может же один нанести пятьдесят ударов ножом. Когда предстоит так много работы, берут помощника.

– Ну! Что касается меня, то я совсем не знаю дела.

– Да, в этом деле был еще аббат.

– Какой аббат? – спросил Панафье с безразличным видом.

– Ну, аббат, про которого говорили, что он убит. Пуляр. Убит... Черт возьми! Это был аббат, который не был аббатом.

– Вы его знаете?

– Да, его знали и в то же время не знали.

– То есть, как это? Он ходил сюда?

– О, нет! Он светский человек.

– Я вас совершенно не понимаю.

– Дело в том, господин Панафье, что этот человек для своих дел имел надобность в добрых молодцах, ну, и находил себе помощников.

– И он умер?

– Умер? Вовсе нет! – отвечал Ладеш, пожимая плечами. – Я убежден, что он принимал участие в этом деле, только он был с тем молодцем, который, надо отдать ему справедливость, не болтлив.

– Почему ты думаешь, что человек мог позволить приговорить себя к смерти, когда ему стоило сказать одно слово, чтобы выдать своего сообщника?

– Потому что он был хитрец и отец семейства.

– Что ты говоришь?

– Да, черт возьми, все очень просто. Выдай он Пуляра, это ему не помогло бы, их укоротили бы обоих, вот и все. Тогда как, не сознаваясь, он мог надеяться быть оправданным; и кроме того, так как он ничего не сказал, то для его семьи, во всяком случае, остается еще сомнение. Что касается меня, то я вполне с ним согласен. Никогда не следует ни в чем признаваться.

Панафье был озадачен этими соображениями.

– И этого Пуляра никогда никто не видел с тех пор? – спросил он.

– Напротив, – возразил Ладеш, подмигнув, – я видел его один раз, но только в светском платье.

– А-а!

Боясь прямыми вопросами возбудить подозрения, Панафье замолчал, отложив расспросы до другого раза. Он сделал знак Грибу снова подать бутылку, но Ладеш, хоть его и не спрашивали, не хотел упустить случая поговорить и продолжал:

– Да, кажется, это дело наделало им много хлопот, так как все удары ножа были только пустыми царапинами, но смертельный удар был нанесен специалистом, и в нем узнали руку человека, уже не раз совершавшего преступления. Но они не были в состоянии узнать его имя.

Панафье глядел на своего собеседника с большим удивлением. Все то, что рассказывал Ладеш, было очень странно.

– Дело закончено, и теперь можно говорить и думать все, что угодно, тем более, что в последний раз, когда я его видел, он был одет щеголем.

– Разве вы вместе с ним работали?

– О, нет, это не моя среда. Он работает в большом свете, я же занимаюсь купечеством. У каждого свои клиенты, не правда ли? – прибавил он со смехом, обращаясь к своим товарищам, очень довольный своей шуткой. – Однако вы, господин Панафье, были вчера тоже с двумя франтами.

– Да, но это для другого дела.

– Я так и думал.

– Да, это семейное дело.

– То, что мы называем интимным делом?

– Да, именно.

– Вот для этого им нужен был бы такой человек, как Пуляр.

Панафье с удовольствием ухватился за случай удовлетворить свое любопытство.

– Э-э, – сказал он, – как вы хитры: сразу угадали, для чего я расспрашиваю!

– Да, от меня ничего не скрыть, – с довольной улыбкой произнес Ладеш.

– Ну, друзья мои, – продолжал Панафье, – теперь я вынужден уйти, но было бы хорошо, если бы кто-нибудь узнал о Пуляре и познакомил меня с ним.

Все чокнулись. Панафье сказал Пьеру Деталю, что увидится с ним завтра, и хотел уйти, но тут к нему подошел Ладеш и проговорил вполголоса:

– Господин Панафье, если бы я имел какой-нибудь интерес в этом деле, то, может быть, я мог бы найти аббата.

– Если ты найдешь аббата в ближайшие дни, то я приму тебя в наше дело.

– Отлично, господин Панафье.

После этого Панафье сразу же вышел на улицу и, идя быстрыми шагами домой, думал: «Да, было бы очень странно, если бы это был не он. Он!»

Когда он пришел домой, Луиза уже спала и он постарался как можно меньше шуметь, чтобы не разбудить ее.

«Теперь, – думал он, – мне нужно многое понять. Нет сомнения, что я напал на след. Я должен узнать, откуда и каким образом Нисетта и Луиза знают Пуляра. Я должен узнать, какая связь между этим аббатом, или щеголем, так как он является в обоих этих образах, и этим ужасным негодяем Ладешем. Но, прежде всего, нужно изучить дело».

Панафье быстренько растопил печь и, усевшись за стол, стал внимательно читать бумаги, переданные ему братьями Лебрэн.

Проведя более часа за чтением, он, наконец, поднял голову и, думая вслух, сказал:

– Если бы я не знал, что этот аббат Пуляр существует, то его убийство было бы для меня вполне доказанным, и, будь я присяжным, я приговорил бы Лебрэна к смерти. Ведь из всего этого следует, что Лебрэн был игрок, что он имел с мадам Мазель отношения, которые он как отец семейства, готовый отдать замуж свою дочь, держал в тайне. Будучи игроком, он мог расстроить свое состояние, и так как замужество дочери вынуждало его дать отчет, он хотел преступлением поправить свое состояние. В ночь преступления он был у жертвы и вышел из дома, не увиденный никем. Случилось так, что в эту ночь он не остался у мадам Мазель до утра. Что это за таинственный аббат, убитый в ту же ночь, труп которого не был найден?.. Нет, – сказал он вдруг, – нет, Лебрэн не виновен.

– Боже мой, что с ним такое! – проговорила вдруг Луиза, просыпаясь.

– Ничего, моя милочка, – ответил Поль, целуя ее.

– Ты вечно приходишь поздно!

– Ах, дорогая Луиза, ты же знаешь, что меня задерживают дела.

Луиза успокоилась и сразу же заснула.

Панафье, утомленный этим днем, уложил бумаги и тоже лег спать.

На другой день около десяти часов он уже входил к братьям Лебрэн.

– Ну что? – спросили они, увидев его.

– Я прочел все. Да, все.

– И что вы думаете?

– Я думаю, что вы правы – Корнель Лебрэн невиновен.

– О, благодарим вас, господин Панафье! – вскрикнули братья, протягивая ему руки.

– И даже больше. Я думаю...

– Что вы думаете? – с беспокойством спросили они.

– Я думаю, что знаю настоящего виновника.

– Что вы говорите!

– Господа, успокойтесь. Я не сказал: «Я нашел его».

– Не все ли равно. Мы не хотим мстить, мы хотим только доказать невиновность отца.

– Кто он такой? – спросил Шарль.

– Аббат Пуляр, – отвечал Панафье.

– Но, – с отчаяньем сказал старший из братьев, – вы же знаете, что этот аббат умер или, по крайней мере, его нельзя найти.

– Я именно и хотел сказать, что аббат жив.

– Что вы говорите?

– Да, он жив.

– И вы в этом уверены?

– Да, его видели.

Братья переглянулись, побледнев от волнения, в то время как Панафье улыбался, счастливый достигнутым успехом.

– Вы видите, господа, – проговорил он, – я не терял времени даром.

– Садитесь, господин Панафье, прошу вас, и поговорим.

– Я к вашим услугам, спрашивайте меня.

– Для нас главное заключается в том, – сказал Винсент, – чтобы иметь помощника, разделяющего наши убеждения. Убеждены ли вы в невиновности нашего отца?

– Полностью убежден.

Братья с восторгом переглянулись.

Итак, на свете существует один человек, который вместо того, чтобы говорить «сыновья убийцы», говорит «сыновья несчастного казненного».

– Что же нам теперь делать? – спросил Винсент.

– Прежде всего, я должен осмотреть дом на улице Фридлан.

– Хорошо, мы сделаем это сегодня, если вы согласны.

– Нет, завтра будет лучше.

– Вы прочитали донесение?

– Да, я готов поклясться чем угодно, что преступник – аббат.

– И вы убеждены, что он жив?

– Вполне убежден.

– Ах, – вскрикнул Шарль, – нам повезло, что мы нашли вас. Вы восстановите честь нашего отца.

– У вас должны быть дополнительные сведения, которые могут помочь мне.

Братья переглянулись, и Винсент сказал:

– Да, мсье, будем с вами откровенны. Мы имеем доказательства, которые должны дать нам возможность узнать виновного, но еще не наступило время открыть их. Может быть, они ничего не дадут для поиска, но могут быть полезны, главным образом, как подтверждение вины.

– Это очень важно!

– Но кроме сведений, которых мы не можем вам передать, мы еще имеем другие, найденные нами самими.

– В чем они заключаются?

– В том, что убийца должен быть игроком.

– Это очень важный факт. Откуда вы его узнали?

– Сами догадались. Мы повсюду узнавали о номерах банковских билетов, записанных в записную книжку мадам Мазель, и таким образом смогли разыскать два билета. Проследив их путь, мы узнали, что оба они вышли из немецкого игорного дома.

– Это очень неопределенно.

– Почему?

– Присутствие человека в городе, где играют в карты, еще не значит, что он игрок.

– Извините, либо человек очень богат, и тогда он ведет очень большую игру на билеты в тысячу франков, либо такой суммой может рисковать игрок или...

– Или вор? Не правда ли?

– Да.

– Германские игорные дома закрыты на зиму. Поэтому он должен вернуться в Париж, а так как в Париже открытая игра запрещена, то он по необходимости будет посещать тайные игорные дома.

– Да, вы угадали.

– В таком случае, я понимаю вас, – заметил Панафье.

– И как вы думаете, что нам нужно делать?

Панафье, опершись локтями о колени и закрыв лицо руками, несколько минут размышлял, потом вдруг сказал:

– Знаете что, самые полезные сведения, приобретенные мной, я нашел не в тех бумагах, которые вы мне дали. Я вынужден быть почти так же осторожен, как вы, поэтому будьте снисходительны к тому, что я вам сейчас скажу.

Братья согласились, приготовившись внимательно слушать.

– Мадам Мазель умерла не от тех ударов ножом, которые она получила, – продолжал он.

– Что вы такое говорите?

– Я говорю истину. Она была убита известным ударом неизвестного убийцы. Многочисленные удары, которые она получила, были нанесены только с целью скрыть смертельный удар, который, как печать, указывает, что преступление было совершено тем или иным преступником.

– То, что вы нам говорите, очень любопытно и полезно.

– Да, я это знаю. Если я найду подтверждение моим догадкам, то, клянусь вам моей жизнью, мы найдем настоящего виновника.

– Но что это за таинственный удар?

– Сейчас я не могу вам этого сказать, но скажу завтра. Однако мы должны поторопиться.

– Да, вы нравы. Если вы согласны сегодня осмотреть дом...

– Хорошо!

– В таком случае, мы к вашим услугам, – отозвался Винсент.

– Хорошо. Тогда сегодняшней ночью, в то же время, когда было совершено преступление, мы отправимся вместе на улицу Фридлан. Я восстановлю картину преступления. Видел ли кто-нибудь из вас, господа, – проговорил он, – ту комнату, в которой было совершено преступление, сразу же после того, как оно было обнаружено?

– Да, мсье, – сказал Винсент, – я был утром и увидел комнату в большом беспорядке из-за происшедшего в ней.

– Вы видели тело?

– Да.

– В таком случае, нам никто не нужен. Вы восстановите мне факты.

– Да, я могу это сделать.

– А теперь, господа, позвольте мне уйти. Я приду за вами в полночь.

– Но, – спросил Шарль, – почему вы не хотите провести с нами этот день?

– За день я должен узнать еще много вещей, которые будут мне полезны сегодня вечером.

– В таком случае, идите. До свиданья.

– До свиданья, господа, до вечера, – сказал Панафье, уходя.

– Что ты думаешь обо всем этом? – спросил старший брат, когда они остались вдвоем.

– Я думаю, что завтра утром мы получим окончательные сведения.

– Не кажется тебе странным этот человек?

– Нисколько. Разве мы сами не ведем себя с ним таинственно?

Винсент тихо покачал головой.

– Во всяком случае, сегодня вечером мы это увидим, – сказал он.

Панафье вернулся к себе домой. Луизы дома не было. Он вынул из чемодана, спрятанного под кроватью, маленький сверток и осторожно положил его в карман.

– Увидим... О, это было бы очень странно!

Затем из свертка бумаг он вынул листок, исписанный мелким почерком.

– Надо хорошенько припомнить все это, – сказал он, прочитав листок с начала до конца.

Глава 10. Дом на улице Фридлан

На другой день, около часа ночи, перед одним из домов на улице Фридлан остановился фиакр. Этот дом казался необитаемым: окна были плотно закрыты, а между камнями около подъезда начинала расти трава.

Вход на первый и второй этажи, занимаемые раньше госпожой Мазель, был справа, а в воротах находилась маленькая дверь, которая вела на третий и четвертый этажи. Ставни окон этих этажей были открыты, и сквозь стекла были видны занавеси и обои. Эти два этажа были обитаемы, в то время как первый и второй были закрыты со времени преступления, совершенного полтора года тому назад.

Но в эту ночь сквозь ставни в окнах мелькал слабый свет. Это обстоятельство было даже замечено несколькими запоздавшими соседями, но так как был поздний час, то прохожие и не думали останавливаться.

Когда фиакр остановился перед домом, дверь сразу же отворилась.

Панафье и братья Лебрэн вышли из экипажа и, отпустив кучера, вошли в дом.

Свет во втором этаже бывшей квартиры мадам Мазель был зажжен служанкой двух братьев, которую они послали заранее, и которая открыла дверь, услышав звук останавливающегося экипажа.

– Будет ли нам нужна эта женщина? – спросил Панафье сразу же, как за ними закрылась дверь.

– Нет.

– В таком случае отпустите ее.

Старая служанка с удовольствием выслушала приказание возвратиться домой и не замедлила привести его в исполнение.

Как только трое мужчин остались одни, Панафье огляделся вокруг.

Они были в большой передней, раскрашенной под дуб, пол которой был покрыт большим ковром и в которую выходили три двери.

– Посмотрим, – сказал Панафье, – дайте мне сориентироваться. Эта дверь налево позволяет пройти в жилые комнаты, не проходя через маленькую приемную гостиную. Эта, направо, ведет на маленькую лестницу, выходящую на второй этаж, в столовую. Чтобы попасть в маленькую гостиную, надо пройти через среднюю дверь.

Сказав это, он открыл среднюю дверь и вошел в сопровождении двух братьев в небольшую комнату. Это была гостиная, обитая алжирской тканью.

– Да, вот маленькая гостиная, курительная комната, окна которой выходят в сад. Здесь принимали людей незнакомых, в то время как обычные посетители прямо направлялись в столовую по маленькой лестнице и через эту столовую проходили в большую гостиную. Только Корнель Лебрэн и аббат Пуляр проходили через дверь налево и маленькую переднюю, выходящую в эту комнату. Вот она. А вот и коридор, который из нее ведет... Все это так! Впрочем, эти двери скрыты под обоями, и они могли пройти, не будучи замеченными, через большую лестницу в переднюю первого этажа. Если вы согласны, мы тоже пройдем по этой дороге!

– Господин Панафье, – сказал один из братьев, – вы отлично изучили план и лучше нас знаете расположение комнат в доме.

– Конечно. Я даже сомневался, были ли вы в нем хоть один раз.

– Один раз были.

– Да, я знаю. Идемте.

И, держа в руках подсвечник, Панафье открыл дверь налево. Они очутились в широком коридоре, называемом галереей на основании того, что на сырых стенах висело нескольких плохих картин.

Пройдя этот коридор, они открыли стеклянную дверь и очутились на первых ступенях широкой лестницы, на которой был разостлан узкий алжирский ковер.

– Все это так. Вот лестница. Поднимайтесь по ней!

Придя на второй этаж, они остановились.

– Надо сориентироваться! – снова сказал Панафье. – Дверь налево в углу – это потайная дверь в спальню. Вот дверь в коридор, ведущий в людскую, через который прислуга ходила в столовую. Пройдем через него. Нам нечего делать ни в людской, ни в кухне, идемте в столовую.

Говоря это, Панафье в сопровождении братьев прошел в коридор и вошел в столовую.

Эта комната была отделана с претензией на роскошь. Стены были покрыты лепкой из папье-маше.

– Теперь пройдем через дверь на маленькую лестницу, – продолжал Панафье.

Эта дверь вела в большую гостиную и была освещена.

При виде этой комнаты Панафье невольно вскрикнул от удивления.

– Черт возьми, какой шик! – проговорил он.

Это была большая гостиная, каких много в настоящее время. Белая с золотом, во вкусе Людовика XV, с плохой бронзой, с мебелью, обитой красным шелком, и большим белым ковром, посередине которого был изображен громадный букет красных цветов. Потолок представлял небо, подобного которому никто никогда не видел, – на нем росли цветы. Два громадных стола занимали середину гостиной. На этих столах еще стояли маленькие коробки, в которые кладут мелки и карты.

Осмотрев все это, Панафье сказал:

– Да, это так. Вот комната, в которой играли. Вы знаете, что, по собранным сведениям, этот дом был настоящим игорным домом. Вот в углу направо маленькая дверь, которая ведет в коридор. Вот она, войдем в нее! Так. А тут рядом дверь в уборную. Вот и она! Здесь восхитительно! – вскрикнул Панафье, войдя в уборную. – До сих пор еще пахнет духами!

Что касается братьев, то по мере того, как они приближались к месту совершения преступления, они становились молчаливее и мрачнее.

Уборная вся была обита тканью с очень красивым рисунком. В ней стояли два низких кресла, кушетка и широкий диван, обтянутые той же тканью. Зеркало занимало всю стену, а напротив стоял туалетный столик со множеством флаконов.

– Здесь, согласно тому, что говорит следствие, хозяйка часто принимала аббата Пуляра, – сказал Панафье. – Войдем в спальню!

Братья невольно придвинулись друг к другу, в то время как Панафье равнодушно открывал дверь в спальню.

Спальня была самой лучшей комнатой в доме. Постель, обитая голубым атласом, занимала всю глубину комнаты. Это была громадная постель, ширина которой равнялась длине. Чтобы лечь на нее, нужно было подняться на две ступеньки, покрытые шкурой белого медведя.

Напротив кровати были расположены два окна, выходившие на улицу Фридлан, и между этими окнами стоял маленький столик, покрытый голубой атласной салфеткой, на которой были вышиты две громадные буквы – А. и М. На этом столике находился целый арсенал туалетных принадлежностей из слоновой кости. Щетки, щеточки, гребни – все это было помечено буквами А. и М.

Вся комната была обита голубым атласом. Над столом висело громадное венецианское зеркало, а между двумя дверями – в переднюю и уборную, которые обе были скрыты под обивкой, – стоял шкаф из черного дерева. Ковер имел отвратительный вид. Он весь был покрыт пятнами крови.

В каждом углу комнаты стояло по маленькому креслу, обтянутому голубым атласом. Перед дым окном стояли этрусские вазы на античных бронзовых подставках. Они служили

жардиньерками, и цветы, росшие в них в день преступления, находились там еще и теперь, но увядшие и засохшие.

Мы рассказали, что представляла из себя эта комната, и должны сказать, почему Панафье несколько минут стоял в дверях, не решаясь войти.

Чтобы изгнать запах, который мог остаться от окровавленного белья, постель была окроплена духами. Вся комната также была окутана духами, и в ней стоял сильный застоявшийся запах, дурманящий голову.

Винсент вошел вслед за Панафье и, указывая на постель, сказал:

– Видите, мы сохранили все в полном порядке.

– Да, вам пришла в голову счастливая мысль, которая в настоящее время очень нам поможет.

И держа подсвечник в руке, Панафье подошел к постели.

– Это очень странно, – говорил он вполголоса, глядя на каплю черной запекшейся крови на подушке. – То же самое!

– Что вы говорите? – спросил Винсент.

– Ничего – это просто замечание.

Он осмотрел простынь, одеяло и снова сказал:

– Ничего. Ничего...

– Что вы хотите сказать? – снова спросили оба брата.

– И вы говорите, что эта женщина получила пятьдесят ударов ножом?

– Да, доктор констатировал это.

– В таком случае, белье переменили?

– Нет.

– Но это необъяснимо.

– Если хотите, я покажу вам рапорт доктора.

– Он у вас есть?

– Да, вы хотите его прочесть?

– Конечно. Это должно быть очень интересно.

– В рапорте говорится, – сказал Винсент, – что первый удар был смертелен, что произошло внутреннее кровоизлияние и вследствие этого, из остальных ран кровь не могла идти.

Панафье пожал плечами.

– А что вы думаете об этом? – спросил Шарль, заметивший это движение.

– Я, господа, еще ничего не могу вам сказать. Дайте мне подумать. Я выскажу вам свою мысль позднее. Вы сказали мне, что укажете положение тела.

– Да.

– Где оно лежало?

– Тут, на этой шкуре.

– А-а! Она упала с постели?

– Иди, лучше сказать, ее стащили с постели.

– Как это?

– Тело мадам Мазель лежало на ступени. Вот здесь. Голова была наклонена на правую руку, на которой ее длинные волосы лежали, как на подушке. Она была совершенно голая. Левая рука застыла, сжимая атласное одеяло. Вы видите, кусочек его вынуждены были даже обрезать.

Ее ноги остались на постели: одна из них запуталась в простыне, что помешало телу свалиться на пол. Так как мадам Мазель спала обычно на другой стороне постели, то ее должны были вытащить оттуда, чтобы бросить на пол.

– Да, вероятно, это было так. И вы говорите, что ее ноги были запутаны в простыне?

– Да, одна нога была почти завернута.

– Да, она, по всей вероятности, не специально завернулась, чтобы дать себя убить. Это странно! – проговорил Панафье, задумчиво покручивая усы.

Шарль что-то тихо сказал Винсенту.

– Ты прав! – вслух ответил тот.

– О чем вы говорите? – спросил Панафье.

– Дело в том, – ответил Винсент, – что я совсем забыл, но у меня есть фотография жертвы в том положении, в каком она была найдена.

Говоря это, он вынул из бумажника маленькую фотографию.

Это была отлично сделанная фотография, как и все, что делает фотограф Карже.

Мадам Мазель была очень хороша собой и великолепно сложена, а странное положение, в котором она находилась, еще больше подчеркивало ее красоту. Глядя на нее, можно было подумать, что это, скорее, фривольная фотография, а не картина ужасного преступления. Кроме того, выражение ее лица было скорее выражением лица спящей женщины, чем окровавленной жертвы, которая вскакивает с постели для борьбы с убийцей.

– А она недурна собой! – невольно проговорил Панафье.

– Прошу вас, господин Панафье, – с волнением перебил Винсент. – Поторопитесь, нам хотелось бы скорее уйти отсюда.

– Извините, но нам придется пробыть еще долго. Садитесь и выслушайте меня.

Говоря это, он указал на кресла и, поставив подсвечник на стол, с фотографией в руке прошелся несколько раз по комнате.

– Выслушайте меня, – сказал он опять, – я постараюсь восстановить картину преступления по тому, что я прочел, что я видел и что узнал. Прежде всего, очевидно, что многочисленные удары ножом не вызвали смерть, а следовали за нею. Здесь нет ни следов борьбы, ни следов крови.

Винсент указал на ковер.

– Ковер... Но это не кровь из ран. Труп пролежал здесь день и ночь, и пятна являются результатом этого пребывания, а иначе были бы запачканы кровью простынь и одеяло.

В эту ночь в гостиной играли, – продолжал он. – Около двух часов утра мадам Мазель, видя, что игра затягивается, ушла к себе, ссылаясь на сильную мигрень. Ваш отец был среди игроков, и некоторые из них даже слышали, как он сказал вполголоса мадам Мазель: «По окончании игры я уйду домой и увижусь с тобой только завтра». Затем мадам Мазель ушла к себе в спальню: она ждала мнимого аббата Пуляра.

– А может быть, он уже был там, – сказал Винсент.

– Нет. Я в этом уверен. Я убежден, что когда Пуляр вошел в дом, мадам Мазель спала.

– Почему вы так думаете?

– Очень просто! Посмотрите сюда на постель. По всей вероятности, он вставал на нее, чтобы завязать шнурок звонка на несколько узлов. Если бы мадам Мазель не спала, она, без сомнения, удивилась бы подобным действиям. Следовательно, она спала, когда тот, которого она ждала, вошел к ней. Он лег в постель, и если смерть является результатом того удара, который я предполагаю, то он должен был разбудить ее. Обманывая своими ласками и поцелуями, аббат схватил ее за голову и убил.

– За голову? О каком ударе вы говорите?

– Вот в двух словах, что я думаю: я думаю, что убийца мадам Мазель – человек, известный полиции. Он уже убил одну женщину этим же способом.

– Этим же способом? – спросил Шарль.

– Да, воткнув ей иголку в то место, где соединяется шея с затылком, и смерть была почти мгновенной.

– Но удары ножом?..

– По всей вероятности, убийца хотел придать смерти совсем другой вид, чтобы обмануть правосудие. Что ему и удалось.

– Но доктора?..

– Что касается докторов, то я предпочитаю сохранить про себя то, что я о них думаю. Удивительно то, что простыня не запачкана кровью и на подушке только это маленькое пятно.

– Это правда! – согласились братья.

– Какое ужасное преступление, приготовлением к которому служат ласки! – проговорил Винсент.

– Я сужу об этом по выражению лица жертвы.

И, говоря это, Панафье показал фотографию.

– Вы видите, смерть была мгновенной, как я вам и сказал. Лицо еще сохранило улыбку, глаза полуоткрыты. Видно, что последним вздохом было слово любви.

Несколько минут прошли в молчании, затем Панафье продолжал:

– Вот как было дело: аббат – молодой человек. Мадам Мазель любила его. Корнель Лебрэн был уже пожилым человеком, и благодаря ему в доме царил тот достаток, который мы видим. В тот вечер убийца очень ловко воспользовался ситуацией. В эту ночь играли, поэтому деньги лежали в шкафу, и он потребовал, чтобы мадам Мазель приняла его обязательно в эту ночь. Она приняла его, и боясь, чтобы не пришел Корнель Лебрэн, заперла все двери. Убийца знает все это и во время сна несчастной он все подготавливает, затем будит ее, уверяет в своей любви и убивает, держа в объятиях. Несчастная делает только одно конвульсивное движение, во время которого поворачивается, отчего ее ноги заворачиваются в простыню. Она оказывается на краю постели, и голова перетягивает ее вниз – она падает. Она умирает, улыбаясь, и ее рука в предсмертной судороге сжимает одеяло, кусок которого пришлось отрезать. Посмотрев на нее, убийца побоялся, что она не умерла, и нанес ножом удар, который доктора объявили смертельным, а так как на лице осталась странная улыбка, то он нанес несчастной еще несколько ударов. Затем он сказал себе, что его видели входящим, что о его присутствии знали. И стал придумывать средство, чтобы отвести от себя всякое подозрение. Прежде всего, он снял с себя рясу и надел платье, принесенное с собой. Затем он разрезал свою рубашку и рясу ударами ножа и, так как у несчастной, упавшей головой вниз, пошла изо рта кровь, вытер эту кровь своей рубашкой и рясой. Лебрэн не мог войти в комнату прислуги, так как он никогда не проходил через людскую и кухню, тогда как это была обычная дорога, по которой аббат приходил ночью к Адели Мазель. Очевидно, что аббат спрятал свою окровавленную одежду в подвале, оставив дверь открытой, чтобы привлечь людей, которые будут проводить следствие. Все, что он предвидел и на что надеялся, исполнилось по его желанию. Лебрэн, окончив играть, совершенно проигрался и спросил у горничной, не приказывала ли госпожа что-нибудь передать ему? Ему ответили отрицательно. И так как была еще ночь, то он сошел на нижний этаж в маленькую гостиную, чтобы подождать там рассвета, когда легко будет найти экипаж. Что касается игроков, то они ушли из столовой через лестницу. Ваш отец остался один, раздосадованный тем, что проиграл, и отправился домой, как только рассвело. Аббат же взял в шкафу все деньги, драгоценности, которые там были, и вышел в ворота, пройдя через людскую. Этого аббата необходимо найти.

– Но, – спросил Винсент, – этот преступник, удар которого вы узнали, что он сделал еще?

– Вы хотите узнать? Впрочем, я глупо поступал, не говоря вам, почему я с таким жаром принялся за ваше дело. Человек, которого я искал когда-то и из-за которого я стал добровольным полицейским, – это тот, который убил мадам Мазель, как я теперь в этом убежден, и он...

– Кто он?

– Он убийца моей матери.

– Ах, Боже мой! – вскричали в один голос оба брата.

В то время как Панафье проводил рукой по лбу, как бы желая прогнать тяжелые мысли, Винсент сказал:

– Теперь мы здесь закончили – идемте отсюда.

– Господа, – ответил Панафье, – я понимаю, что для вас это следствие очень тяжело, но мне необходимо изучить все как можно основательнее, поэтому оставьте меня здесь одного. Согласны ли вы?

Братья с удивлением переглянулись.

– Я увижусь с вами завтра утром.

– Как ни странно ваше желание, мы повинемся – мы верим вам.

– И вы совершенно правы. Идите. Да, – прибавил он, – вы мне сказали, что у вас есть рапорт докторов.

– Да.

– Дайте мне его. Я хочу его прочесть.

Винсент вынул бумажник и передал молодому человеку то, что он просил. Затем братья пожали ему руку, говоря:

– До завтра!

Когда Шарль и Винсент уехали, Панафье сел в кресло и, закрыв лицо руками, задумался о расследовании подобного преступления, которое он уже проводил однажды. Затем он взял рапорт, оставленный ему Винсентом. Мы сейчас прочтем его читателю.

«МЕДИЦИНСКИЙ РАПОРТ.

Я, нижеподписавшийся Буатер-Огюст Андои, доктор-акушер, кавалер ордена Белого Медведя, командор ордена Сен-Мартино, член медицинской Академии Монпелье, член-корреспондент университетов Турина и Одессы и т. д. и т. д., в сопровождении господина Герзен, полицейского комиссара, отправился на квартиру госпожи Мазель на улице Фридлан, в дом номер 38, для того, чтобы произвести обследование ран, полученных ею и являющихся причиной ее смерти. Я нашел в комнате, обитой голубым атласом, нагую женщину, лежащую ногами на постели, а головой на полу, и констатировал, что как тело, так и руки и ноги ее покрыты многочисленными, но неглубокими ранами. Лицо, шея и спина были не тронуты. Из этих ран вытекло очень небольшое количество крови. На левом боку, в двух с половиной сантиметрах от левой груди, оказалась рана продолговатой формы, размером в четыре миллиметра, нанесенная почти вертикально: по всей вероятности, этот удар и был причиной смерти. Верхняя часть легкого пробита насквозь, но вообще на всем теле нет ни малейших следов насилия. Из всего этого мы делаем вывод, что смерть была почти мгновенной и произошла в результате ранения в левом боку. Орудием, нанесшим эту рану, был карманный нож убийцы. Остальные раны кажутся нам нанесенными после смерти, когда убийца, по всей вероятности, хотел удовлетворить низменные желания, предаваясь циничной жестокости. Вследствие всего этого мы...» и т. д.

Прочитав рапорт, Панафье пожал плечами и произнес:

– Дурак!

Затем он вынул фотографию, оставленную ему Винсентом, и громко засмеялся, говоря:

– Какой идиот! А между тем жизнь скольких людей находится постоянно в руках подобных докторов. И он еще изучал медицину! И таким людям поручают важное дело поиска причины смерти! Может быть, он в первый раз в жизни очутился перед трупом, причиной смерти которого он не был сам. Однако посмотрим это, – продолжал он, поворачивая листок. – А! Убитая перенесена в Божон. Кажется, у меня был знакомый в Божоне. Жобер. Но его там нет.

Он перешел в Венсен. Вот число – «5 октября 1878 года». Нет сомнения, что в то время Жобер был еще студентом в Божоне. На всякий случай я схожу к нему завтра утром.

Сказав это, Панафье встал и поднял занавеси с окна, выходящего на улицу Фридлан.

– Уже светает! – сказал он.

И действительно, уже наступал день. Тогда Панафье еще раз обошел комнаты, следуя по тому пути, которым, по его предположению, должен был идти убийца.

Он вышел через маленькую комнату, находившуюся по правую сторону постели, вторая дверь которой выходила на площадку лестницы. Затем он прошел через коридор, который вел в людскую и кухню, и вышел через черную лестницу. «Это так, – думал он. – Он спустился вниз и отнес в подвал свою ряску и рубашку, оставив эту дверь открытой, чтобы направить следствие по ложному пути, и эти идиоты попались в ловушку».

Затем Панафье снова вернулся в квартиру, погасил лампу и вышел на улицу через подъезд, к великому удивлению соседей.

День уже наступил. Он подозвал фиакр, сел в него и сказал кучеру:

– В Венсенский госпиталь!

Глава 11. Ужасное и любопытное зрелище

Кучер скорчил недовольную гримасу, но когда Панафье прибавил: «Я оплачу проезд вдвойне», он сделался любезным, и менее чем через час экипаж остановился у военного госпиталя. Панафье, выйдя из экипажа, спросил привратника:

- Где доктор Жобер?
- Он в морге.
- Что он там делает?
- Он дежурный, а сегодня там два вскрытия.
- А можно его увидеть?
- Я не знаю. Если вы его приятель... – нерешительно сказал привратник.
- Я его друг, – смело отвечал Панафье, – и, кроме того, я его собрат по профессии.
- А! Вы доктор? Это другое дело. Потрудитесь следовать за мной, мсье.

Мы сказали читателю, что хотим показать ему трущобы Парижа, подразумевая под этим все места, заслуживающие интереса. Теперь мы имеем перед собой именно такое место и просим у читателя разрешения показать ему морг госпиталя.

Это был большой зал, в который свет проникал через окно, сделанное наверху. Во всю длину стены, противоположной той, в которой находилась входная дверь, стояли шесть каменных столов, и на трех из них лежало по трупу. Эти заочеченные тела казались бледно-зеленоватыми от падающего сверху света.

На первом столе лежал труп молодого человека лет двадцати пяти. Лицо его уже подверглось ужасной обработке: по обе стороны челюстей были сделаны надрезы, как будто две ямочки, которые заставляли труп смеяться. Ввалившиеся глаза были без век.

Над этим ужасным зрелищем склонились двое молодых людей. Они ловко разрезали труп скальпелями, куря в то же время папиросы. Один из них насвистывал мотив модной оперетки.

За вторым столом стоял еще один мужчина – высокий молодой человек лет двадцати четырех с папиросой в зубах и с ножом в руке.

На третьем столе лежало третье тело, вскрытие которого уже было окончено.

Эти трупы еще не испытали последнего оскорбления, так как перед похоронами сторожа вырывают у трупов хорошие зубы и обрезают волосы. Как ужасно думать, что эти волосы будут развеиваться вокруг розовых щечек, а эти зубы – помещаться в улыбающемся ротике, дарящем поцелуи.

Бр-р! Какая ужасная картина!

Ничто не в состоянии передать этой отвратительной картины! Мрачные столы, вытянутые трупы с гримасами на лицах, сжатые или раскрытые рты, ввалившиеся глаза, иногда вынутые из орбит, – все это ужасно!

Но Панафье прошел мимо всего этого с величайшим спокойствием. Он подошел к стоящему в одиночестве за вторым столом молодому человеку и сказал:

– Можете ли вы уделить мне минуту, Жобер?

Молодой человек обернулся.

– Панафье! – воскликнул он, и вытерев руку о передник, протянул ее Панафье. – Чему я обязан вашим посещением? Вы пришли позавтракать со мной?

Панафье пожал ему руку и сказал:

– Да, если вы свободны.

– Вы пришли очень кстати – я только что закончил.

И доктор сел на стул, сворачивая новую папиросу.

– Черт возьми! – против воли проговорил Панафье, прикрывая нос платком. – Здесь не особенно весело.

– Ну, – смеясь, возразил доктор, – это дело привычки. Если бы вы знали, как интересно наблюдать после смерти за болезнью, которую вы не смогли победить.

– Какое счастье, что семья покойного не может присутствовать при этом открытии сделанных ошибок.

– Да, вы правы! Сколько знаменитостей лишилось бы своего престижа...

– Знаете что, – сказал Панафье, – хотя я человек не нервный, но, тем не менее я предпочел бы разговаривать в другом месте.

– Закурите папиросу.

– Нет, я ни за что не возьмусь за то, к чему вы только что дотрагивались.

– Ну, в таком случае я буду к вашим услугам через минуту, – смеясь, сказал доктор. – А между тем, входя сюда, вы имели такой спокойный вид.

– Да, но это быстро прошло. Теперь мне здесь очень не нравится. Вам все равно, куда идти?

– Все равно. Очень даже часто, когда у нас бывают продолжительные вскрытия, мы завтракаем здесь.

– Здесь?!

– Да. Вот на этом уголке стола.

– Ах, Боже мой! Нет, знаете ли, я не в состоянии здесь оставаться. Буду вас ждать у дверей зала.

И с этими словами Панафье поспешно бросился к дверям, сопровождаемый смехом докторов. Но так как Панафье был не дурак, то он вернулся обратно и сказал:

– Господа, вы так веселы, что доставите мне удовольствие, если согласитесь сопровождать господина Жобера. Мы позавтракаем вместе. А теперь я отправлюсь вперед, чтобы заказать завтрак.

Несколько минут спустя все четверо молодых людей сидели вокруг стола в отдельной комнате ресторана, но так как двое из них были дежурными после полудня, то Панафье после завтрака остался вдвоем с доктором Жобером.

После длинного разговора о вскрытиях Панафье сказал доктору:

– Дорогой Жобер, я пришел к вам узнать некоторые сведения, необходимые для изучения одного дела.

– Относительно чего?

– Помните ли вы преступление, совершенное полтора года тому назад на улице Фридлан?

– О да, конечно, – убийство красавицы Адели Мазель?

– Да, именно.

– Я делал ее вскрытие.

– Как?! Но ведь вы тогда были студентом.

– Да, я помогал доктору. А что же вы хотите узнать?

– Сейчас скажу вам. Я прочитал рапорт доктора и рапорт агента, но отличия в них до такой степени поразили меня, что я захотел обратиться к вам, чтобы быть вполне уверенным. Надеюсь, что вы нисколько не скомпрометируете себя, рассказав мне это, – добавил Панафье.

– О, нисколько! Доктор ошибся, но когда я обратил его внимание на это, то он мне ответил: «Не все ли равно, какова причина смерти. Истина в том, что убийца был Лебрэн. Не будем же увеличивать ужаса от совершенного преступления открытием, которое могло бы найти себе подражателей».

Несмотря на печальный сюжет разговора, Панафье улыбнулся, довольный тем, что не напрасно приехал.

– Не скрою от вас, – сказал он, – что это интересует меня в высшей степени.

– В таком случае, милый мой, я с удовольствием готов сообщить вам какие угодно сведения.

Панафье оперся о стол, наполнил стаканы шампанским и продолжил:

– Вы читали рапорт доктора?

– Конечно, так как сам писал под его диктовку.

– Да, это правда, я забыл, что вы принимали участие во вскрытии.

– Да, я своими собственными руками вскрывал труп, конечно, под руководством доктора-эксперта.

– Доктора, у которого так много наград?

– Да, – отвечал со смехом Жобер.

Панафье был очень счастлив, так как уже узнал драгоценные сведения. Но он спешил узнать и другие факты, которые так и хотели слететь с языка Жобера.

– Вы видели мертвую мадам Мазель? Вы дотрагивались до ее ран? Вы производили вскрытие?

– Да, повторяю вам: я производил вскрытие, следуя приказанию доктора, и писал под его диктовку рапорт.

– Весь вопрос в том, дотрагивались ли вы до ран руками?

– Да, конечно.

– И вы констатировали их важность?

– Важность раны в левом боку, которая задела легкое.

– И которая была смертельной, не правда ли?

Жобер засмеялся, пожал плечами и сказал:

– Да, по крайней мере, так утверждает рапорт. Это действительно ловкий удар, и живой человек, получивший его, конечно, не пережил бы его.

Панафье понял, что доктор готов все объяснить, а главное – доказать, что счастливицы, которых публика превозносит, очень часто должны были бы учиться у молодых докторов, и поэтому он с удовольствием ухватился за этот случай, продолжая поспешно:

– Вы говорите – «живой человек». Разве вы предполагаете, что Адель Мазель была уже мертва, когда убийца вонзил ей нож в левый бок?

– Да, мой милый, я иду даже дальше. Я утверждаю, что удар поразил только труп.

– Вы убеждены в этом? – спросил Панафье, напрасно стараясь скрыть волнение, с которым выслушивал ответы Жобера.

– Конечно, убежден, – ответил последний.

– И можете доказать это?

– Конечно, – небрежно подтвердил доктор, наливая в стакан шампанское. – У меня даже есть вещественное доказательство.

– Доказательство?

– Да, но не все ли равно, мой милый, как эта несчастная была убита. Главное, что она была убита. Убийца был найден, предан суду, осужден и казнен, следовательно, дело закончено.

Панафье не знал, что ответить на замечание приятеля, очевидно, утомленного этим разговором и хотевшего прекратить его. Тогда он решился говорить яснее:

– Выслушайте меня, мой милый Жобер. По особым причинам мне нужно узнать точные сведения относительно этого предмета. Прошу вас, не удивляйтесь моей настойчивости. Я изучаю это дело, и мне нужно знать правду. Помогите мне восстановить факты.

– Но, мой милый Поль, я в вашем распоряжении и могу сказать вам все, что знаю.

– О, благодарю вас!

Доктор взял сигару, откусил кончик зубами, закурил ее и тогда уже заговорил:

– Я уже вам сказал, что делал вскрытие под руководством доктора-эксперта – человека с наградами, как вы его называете, и что вследствие этого я в состоянии судить о причине смерти.

– Да, – проговорил Панафье, – ну и что же?

– Прежде всего, положение трупа, спокойствие его лица, небольшое количество вытекшей крови – все это заставило меня сомневаться в том, что смерть была результатом ран, нанесенных острым оружием, так как эти раны дают много крови и их количество заставило бы предположить о сильном сопротивлении жертвы, о сопротивлении, которое оставило бы следы тех усилий, которые должен был употребить убийца, чтобы победить его.

– Совершенно верно, это именно то, что я думал! – вскрикнул Панафье.

Жобер задумался на несколько минут, припоминая то, что произошло полтора года тому назад, и продолжал:

– Внимательный осмотр каждой раны в отдельности и даже раны в левом боку подтверждал мое предположение. Я спрашивал себя: «Не были ли эти раны нанесены после смерти?» Но отсутствие других причин смерти заставило доктора прийти к выводу, что те раны, которые он видел, были смертельны.

– Но каким образом этот знаменитый доктор может давать такое категорическое заключение, если он сам сомневается? – спросил Панафье, ударив по столу. – Ведь этот господин подписался, что смерть наступила в результате ранения в левый бок, из-за чего произошло внутреннее кровоизлияние.

– Все люди ошибаются, – отозвался Жобер, – и доктора тоже.

– Но, мой милый, от медицинской экспертизы очень часто зависит жизнь человека.

– Конечно, но этот бедный старый доктор, видимо, находился под влиянием убедительных доказательств, добытых следствием против обвиняемого. По всей вероятности, уверенность в виновности того заставила его дать свое заключение немного поспешно. Я не знаю – почему, но по окончании вскрытия я не в состоянии был отойти от этого тела. Мне хотелось найти причину, которая ускользнула от эксперта. Я приказал перенести труп в мой павильон в практической школе и там, оставшись один, начал снова внимательно осматривать тело. Перевернув труп на грудь, я поднял длинные волосы, распущенные по плечам и, свернув, закрепил их на затылке. Когда низ затылка открылся, и я с восторгом глядел на грациозную линию шеи, мой взгляд вдруг словно споткнулся: мелкие вьющиеся волосы внизу затылка были слипшимися и засохшими. В эту минуту – не помню, как и почему – но я вспомнил о том, что несколько капель крови были найдены на подушке жертвы, и сразу же, вследствие естественного течения хода мыслей, я увидел связь между пятнами на подушке и слипшимися волосами. Я тут же взял лупу, осторожно приподнял слипшуюся прядь волос и под ними заметил небольшую черную точку, настолько маленькую, что она, без сомнения, ускользнула бы от невооруженного взгляда; дотронувшись до этой точки, я почувствовал под пальцем какое-то твердое тело. Не в состоянии объяснить себе, что это, я сделал в этом месте легкий надрез, и в ране появилась верхушка золотой иголки четырех-пяти миллиметров в диаметре.

– Я так и знал! – вскрикнул Панафье.

– Что вы говорите?

– Ничего, милый мой, продолжайте. Я говорю сам с собой.

– Я попробовал слегка покачать иголку, но она не шевелилась. Тогда, вооружившись скальпелем, я продолжил свое исследование и через мускулы затылка дошел до двух главных артерий.

Панафье внимательно слушал, проводя по низу своего затылка, чтобы лучше представить себе, в какое место был нанесен смертельный удар.

Между тем Жобер продолжал:

– Иголка была воткнута между этими двумя артериями. Тогда я с усилием, но осторожно, вынул иголку и увидел, что ее конец на два сантиметра входил в мозжечок.

– И...

– Это и было причиной смерти.

– И вы совершенно убеждены, что именно это, а не другое, вызвало смерть?

- Абсолютно убежден.
- Но приходилось ли вам видеть подобные случаи?
- На людях – нет. Физиологи делали опыты в этом направлении, но только на животных.

Доказано, что легкий укол в мозжечок вызывает мгновенную смерть.

- И вы никогда не слышали, чтобы кто-то умер по такой же причине?

– Нет.

- Не слышали ли вы четыре года тому назад об одной женщине, жившей в Батиньоле?

– Нет, не помню.

- Это была бедная женщина, которую однажды нашли утром, и доктора...

– Констатировали эту же самую причину?

- Нет, дорогой доктор. Как и теперь, они ошиблись, указав причиной смерти отравление.

– Но я никогда не слышал о подобном процессе.

- Это вполне понятно, так как убийца не был найден.

– Ба! Но в таком случае его нашли после, так как, несмотря на отрицание своей вины, этот Корнель Лебрэн был, без сомнения, виновником происшедшего. Удары ножом должны были сбить с толку следователя, и он преуспел в этом.

- И вы думаете, что он сделал это один?

– Несомненно.

Панафье подумал несколько минут. Затем, не желая сказать слишком много, продолжал:

- Вы, может быть, правы. Не хотите ли еще выпить стакан шампанского?

– С большим удовольствием.

Панафье налил.

- Какая это иголка? Она все еще у вас?

– Она была у меня, но недавно ее взяли.

– Очень жаль! Мне хотелось бы посмотреть на нее.

– Я отдал ее одной замужней женщине, своей знакомой.

– Однако, вы делаете хорошие подарки вашим любовницам, доктор.

– О, она была очень забавна, эта маленькая Нисетта.

– Это имя редко встречается в Париже.

– А между тем она парижанка. Конечно, она не герцогиня, – продолжал, смеясь, доктор, – но для меня это все равно. Чепчик или шляпа для меня одинаковы. Я смотрю только на личико, которое из-под него выглядывает.

– Это было бы забавно, – сказал Панафье, думая вслух. – Не занимается ли ваша Нисетта в свободное время отпиранием дверей?

- Вы ее знаете?

– Ну, это уже чересчур.

– Как! Вы знаете Нисетту Левассер? И вы тоже? Нам давно пора было сменить тему.

– Очень рад, что мы закончили разговором о Нисетте, доктор. Я пью за ее здоровье! –

И Панафье, совершенно изменив манеры, как только добился результатов в своих поисках, высоко поднял стакан.

Глава 12. Два письма

Когда в этот день Панафье возвращался домой, его остановил привратник.

– Господин Панафье, – сказал он, – у меня есть для вас письмо.

– Вы его получили сегодня или вчера?

– Да, действительно, вы ведь сегодня не ночевали дома, – засмеялся Левассер. – О, молодость! Это письмо принес сегодня утром один человек. Странный человек!

Панафье взглянул на письмо и, так как в комнате привратника было днем темно, положил письмо в карман, думая прочесть его, придя к себе.

– Благодарю вас, господин Левассер, – сказал он, – а вашей супруги нет дома?

– Нет, бедняжка еще молода, а здесь не очень-то весело живет. И, так как сегодня бал в одном доме, где бывает ее тетка, Нисетта попросила у меня позволения отправиться туда. Вы понимаете, что я не мог отказать ей, тем более, что это люди очень приличные.

– Но для бала еще рановато.

– Дело в том, что перед балом будет обед, он назначен на пять часов, а сейчас шесть.

– Уже? – удивился Панафье. – Вы, значит, не ревнивы, – прибавил он, чтобы что-нибудь сказать.

– Ведь я сказал уже, что они люди приличные, вдобавок, жена отправилась туда с теткой – женщиной из высшего круга общества, которая не бывает у нас из-за занимаемого ею положения, но обожает мою жену. Кроме того, я разрешаю своей жене ходить туда потому, что она позволяет мне посещать наши субботние собрания.

– Какие собрания?

– Разве вы не знаете, что я член общества Детей лиры Орфея?

– Детей лиры Орфея?

– Да, это общество пения. У нас бывают обеды каждую первую субботу месяца, по два франка семьдесят пять сантимов с вином и кофе. Если вы хотите, я когда-нибудь свожу вас туда.

– Не откажусь, – ответил Панафье, – надо же хоть немного развлекаться.

Сказав это, он поспешно поднялся по лестнице, спеша прочесть то, что принес «странный человек».

Придя к себе, он зажег свечу и был немало удивлен, увидев брошенный на стуле ежедневный костюм Луизы. Нарядного платья, купленного на полученные Панафье деньги, не было. Очевидно, Луиза надела его. Затем Панафье увидел на столе лист бумаги, на котором каракулями нацарапано было несколько строчек:

«Дорогой Поль, я думаю, что если один развлекается, то и другой должен делать то же. Ты не вернулся ночевать в прошлую ночь, и я сегодня поступлю так же. Только я честная женщина и могу сказать, куда иду. Я сопровождаю мадам Левассер на один семейный бал. Итак, до завтра, если только ты вернешься в эту ночь. Луиза».

– Черт возьми, – сказал со смехом Панафье, – дело плохо. На какой это бал отправилась Нисетта? Все это выглядит очень странно; мне кажется, что я знаю только наполовину мою нежную подругу, и почти убежден, что совсем не знаю Нисетту. Здесь есть тайна, которую я должен раскрыть. Но прежде всего, нужно подумать о деле.

Затем он развернул письмо, полученное от привратника. Оно было написано крупным, дрожащим почерком и имело следующее содержание:

«Я занялся делом, которое вы мне поручили. Я узнал, куда иногда заходит Пуляр, и готов вас проводить туда, если вы не изменили своих намерений относительно меня. Если вы свободны сегодня вечером, то я поведу вас в то место, куда он ходит. Это место, в кото-

ром бывает немало женщин и где играют по-крупному; я ничего больше не скажу, не получив ответ на свое письмо. Имею честь быть, господин Панафье, вашим преданным слугой.

Исидор.

PS. Я буду весь вечер в «Бешеной кошке».

– Отлично! – весело воскликнул Панафье. Затем, держа оба письма в руке, он весело прибавил:

– Странно, но мне кажется, что эти два письма каким-то таинственным образом связаны между собой. Что делать? Пойти за братьями Лебрэн? Нет, я должен сначала все выяснить. Во-первых, я заинтересован в этом деле лично, а во-вторых, братья могут слишком поторопиться и этим все испортить. Я пойду к Ладешу один. Он укажет мне дом и человека, за которым я должен следить, чтобы узнать, где он живет. Но надо быть осторожным, иначе можно ошибиться. Сегодня вечером я узнаю, правда ли то, что он мне пишет, а братьям я успею сказать об этом и через два-три дня, когда соберу все нужные сведения. Для них достаточно пока и того, что я узнал сегодня.

Он помолчал, затем вдруг вскрикнул:

– Но ведь Нисетта – любовница Жобера! Это уж чересчур! Пойми тут что-нибудь! Я думал, что первый заставил ее изменить своему супружескому долгу. Верь после этого ее невинному виду... Завтра я наведу справки о ее любовниках.

Затем он вытряс свои карманы, и оказалось, что у него есть еще пять луидоров.

– Хорошо, – произнес он, – за двадцать франков Ладеш сделает что угодно. Если мы пойдем в этот игорный дом, то у меня еще останется три луидора на игру. Этого вполне достаточно, тем более, что завтра я надеюсь получить деньги. А теперь пора отправляться на свидание.

Он уже собирался выйти, когда его взгляд снова упал на письмо Луизы.

– Бедняжка, – проговорил он, – она должна как-нибудь развлекаться. Тем более, что нет ничего предосудительного, если она постоянно будет посещать семейные дома. А завтра я ее порадую маленьким подарком!

Он погасил свечу и сошел вниз. Полчаса спустя он входил в «Бешеную кошку», где, как всегда, было много народа.

Он сделал знак Ладешу и Пьеру Деталю, те подошли к нему, и они втроем сели за стол. Приказав подать бутылку вина, Панафье обратился к Ладешу.

– Ну что? Ты нашел его? – спросил он.

– Да, я знаю место, куда он пойдет сегодня вечером.

– И куда?

Ладеш покачал головой.

– Что с тобой? – спросил Панафье.

– Что со мной!.. У каждого свои делишки, и я хочу знать – берете вы меня или нет?

– Но ведь это уже решено – ты же нам служишь.

– Значит, вы меня берете?

– На вот задаток, – отвечал Панафье, давая ему луидор.

– В таком случае, я исполню любое ваше поручение. Вы позволите мне немного выпить? – спросил он, кидая луидор в карман. – И я расскажу в двух словах суть дела. Он посещает два игорных дома: один на улице Омер, другой – в предместье Сен-Дени. В этот последний он ходит по четвергам.

– И ты говоришь, что он должен отправиться туда сегодня вечером?

– Да.

– Каким образом ты это узнал?

– О, очень просто!

– Прежде всего, скажи мне, что из себя представляет аббат Пуляр? Действительно ли он аббат?

– Совсем нет! Разве вы этого не знаете?

– Не знаю. Мне сказали, что если бы аббат Пуляр был жив, то он помог бы нам повернуть наше дело. Ты мне сказал, что аббат жив, следовательно, он может мне помочь. Вот каким образом я узнал, что существует аббат Пуляр, и вот почему желаю его видеть. Но больше я не знаю о нем ничего. Он действительно аббат?

– Вовсе нет. Просто он воспитывался в семинарии Сен-Сюльпис. Три раза он убежал оттуда, и три раза его возвращали. Он – веселый малый, – смеясь, продолжал Ладеш.

Его смеху вторил громкий хохот Пьера Деталья.

– Итак, – продолжал Ладеш, – он был возвращен в семинарию, и когда бежал в четвертый раз, то его семья махнула на него рукой. Он же, в свою очередь, написал своим родным: «Я чувствую, что не рожден быть священником. Позвольте мне заниматься коммерцией». Родные ответили отказом. Так как он продолжал упрямиться, ему перестали высылать деньги. Родные говорили себе: «Он уступит, когда останется без гроша». Тогда Пуляр решил устроить скандал: он надевал сутану и прогуливался в людных местах под руку с красавицами и с трубкой в зубах. Когда ему говорили: «Вы носите монашеский костюм, а здесь запрещено в нем появляться», он отвечал: «Дайте мне другой. Я только этого и хочу, так как мне нечего надеть. Я надеюсь, вы не заставите меня ходить голым». Но это продолжалось всего несколько дней, после чего ему запретили посещать рестораны в этой одежде. Знаете, что он тогда сделал? Он купил старые гвардейские пуговицы и пришил их к своей сутане. В то время его любовницей была Лида – модистка. Она пришила ему к сутане воротник из зеленого атласа. Тогда его стали везде пускать, говоря: «Это оригинал», и дали прозвище «аббат».

– Но сколько же ему лет?

– В то время было двадцать пять.

– Что он за человек?

– О, он очень красив, а главное – силен и ловок.

– Он игрок?

– О, да! Один раз он проиграл свой галстук, костюм и сапоги.

– Это человек, с которым очень приятно познакомиться, – проговорил Панафье.

– Ну да, но в тот раз он снова все отыграл.

– Каким же образом?

– С помощью золотой булавки, которую он поставил и которая ему все возвратила. Это его мания. Он постоянно носит в галстук большую булавку без головки, но золотую.

Панафье против воли вскрикнул. Ладеш взглянул на него и, увидев, что он бледнеет, спросил:

– Что с вами?

– Ничего, ничего, – отвечал Панафье, сразу же приходя в себя, – все в порядке. Я только озадачен тем, что слышу. Не правда ли, какой странный человек... О да! Очень странный.

При этих словах Поль вытирал пот, выступивший у него на лбу, и старался скрыть свое учащенное дыхание. Он чувствовал, что холод пробегает у него по спине, тогда как голова горит огнем. Он пытался победить охватившее его волнение и бессмысленно глядел на Ладеша, продолжавшего свой рассказ.

Волнение Панафье было вполне понятным, так как теперь он ни в чем не сомневался. Таинственный аббат был игроком, он был любовником и другом Адели Мазель. И булавка, странная золотая булавка, всегда была при нем.

Между тем Ладеш, не замечая, что происходит с его собеседником, продолжал:

– Я припомнил одну прачку, с которой он был знаком одно время. Я побывал у нее, и она мне сказала, что сейчас он не поступает так глупо, как раньше, но продолжает играть. «Я видела его у одной заказчицы, которая обедает в заведении, куда он иногда заходит», – добавила она. Тогда, – продолжал Ладеш, – я узнал адрес этой дамы, проживающей на улице

Лаваль, отправился туда и сказал, что пришел от имени одного господина, который желает знать, где можно ее увидеть. Она ответила мне, что человек, желающий ее видеть, сам назначит место. Тут я и ввернул, что он хочет встретиться хотя бы там, где она обедает. В ответ она сказала: «Я обедаю в предместье Сен-Дени у Баландые». «Дело в том, – продолжал я, – что этот человек видел вас с аббатом и не хотел бы с ним встретиться». «О, это очень просто, – сказала она тогда. – Аббат бывает у Баландые только по четвергам». Вы понимаете, что это было не особенно хитро, но я узнал, где и когда можно увидеть аббата. Как раз сегодня четверг!

Панафье уловил только конец рассказа Ладеша и спросил:

– Итак, ты говоришь, что он бывает каждый четверг у Баландые? Знаю это место – я там бывал. А не знают ли там, как сейчас его дела?

– Мне говорили, что будто бы он теперь при деньгах. Многие еще думают, что он провинциальный аббат и временами появляется в Париже. Некоторые говорят, что он расстрижен. В сущности же никто ничего о нем не знает: он исчез из Латинского квартала и появился там только десять лет спустя, но уже в светском платье.

– Ты его знаешь?

– Да, я его знаю, но мы не знакомы, если это тот, о ком я думаю. Вы же знаете, господин Панафье, иногда человек может ошибиться.

– Вот что мы будем делать сегодня вечером, – сказал Панафье, подумав несколько минут. – Вы отправитесь вместе со мной в предместье Сен-Дени.

– К Баландые? – с неудовольствием спросил Пьер Деталь.

– Нет, вы останетесь оба у двери и будете ждать его выхода, а затем будете за ним следить – так, чтобы он этого не заметил, – и узнаете, где он живет.

– Ну, это очень легко!

– Что касается меня, то я войду к Баландые и буду наблюдать за ним. Я хочу посмотреть – тот ли это человек, который мне нужен, так как я не хочу погубить дело, рассказав о нем первому встречному.

– Да, конечно, надо быть очень осторожным. Вы довольны мной, господин Панафье? – спросил Ладеш.

– Очень доволен, – отвечал Панафье, пожимая ему руку.

– В таком случае, – заключил, вставая, Пьер Деталь, – надо на дорогу распить бутылочку.

– Да, но только поскорее, так как мы можем опоздать.

Когда бутылочка была распита, Панафье заплатил и в сопровождении своих двух помощников отправился в предместье Сен-Дени.

Глава 13. У Баландье

Место, в которое мы введем нашего читателя, заслуживает особого внимания. Это типичное кафе, где дают обеды и где столуются женщины. Большая часть посетителей – именно они, и мужчины появляются здесь только изредка.

Мы уже сказали, что заведение Баландье помещалось в предместье Сен-Дени, недалеко от улицы Энгиен, в трехэтажном доме.

Ворота этого дома были узки и мрачны, и из-под них постоянно текли ручьи помоев. Кухни всех трех этажей выходили на узкую, крутую лестницу, и на ней всегда был слышен запах плохой стирки. Надо было иметь крепкий желудок, чтобы не потерять аппетита, поднявшись на третий этаж.

Войдя в коридор, служивший передней, посетители вынуждены были дышать воздухом, настоящим на смеси запахов керосина и неопрятно содержащихся кошек. Здесь толстая девушка, плохо говорившая по-французски, брала у посетителя шляпу и пальто и относила их в другую комнату. Эта любезность была своеобразной мерой предосторожности, которая не позволяла никому выйти незаметно. Затем та же самая девушка открывала дверь в столовую.

Столовой служила комната, оклеенная выцветшими обоями, и единственной мебелью в ней были буфет из красного дерева и большой белый стол посередине, да над камином висело зеркало в серой рамке, причем прямо на зеркале завсегда таи кафе, пользуясь бриллиантами из колец, нацарапали массу глупостей.

По стенам было развешено несколько плохих литографий. На камине перед зеркалом стояли четыре фотографии: хозяйки дома; ее дочери – особы двадцатью годами моложе, очень красивой, в весьма легком костюме; жандарма – первого мужа Баландье и отца ее дочери; и красивого молодого человека, которого дочь Баландье называла другом мамашаи.

Стол был застелен скатертью сомнительной чистоты, которую меняли раз в два дня; салфетки менялись два раза в неделю, и постоянные посетители вкладывали их в кольца с номерами.

Сама Баландье занималась хозяйством; ее дочь очень редко садилась за стол – самое большее шесть раз в год. И никто никогда не видел Друга мадам Баландье – красавца Густава. Когда в час обеда ему нужно было переговорить с Баландье, он вызывал ее на кухню.

Рядом с большой столовой была комната поменьше, меблированная немного лучше, и стоящий посередине нее стол был покрыт зеленой салфеткой.

В этой комнате после обеда постоянные посетительницы говорили какому-нибудь новичку, явившемуся в первый раз:

– Сейчас будут играть по-маленькой, а я забыла мое портмоне. Дайте мне в долг луидор. Иногда это имело успех, но, нужно заметить, довольно редко.

В это-то место в восемь часов вечера и вошел Панафье.

Обед уже начался: человек двенадцать женщин сидели за столом, в то время как от сильного пола было всего четыре представителя.

Панафье заметил, что все дамы были не в духе – ни одна из них не разговаривала, что казалось удивительным. Что касается мужчин, то, наклонившись над своими тарелками, они яростно трудились, пытаясь разрезать жилистое мясо.

Панафье хотел завязать разговор со своей соседкой. Оказалось, что это сделать очень легко, так как она начала первая.

– Вот так обед! – сказала она. – К счастью, у нас свои зубы, а то невозможно было бы перегрызть это мясо.

– Да, действительно, – поддержал Панафье, – надо быть глубоко убежденным в том, что это мясо, чтобы согласиться его есть. Здесь всегда так кормят?

– Как? Всегда такой обед? Не-е-ет. Если бы это было так, я не ходила бы сюда. Но как только приходят некоторые посетительницы, так сразу же им подают лучшие куски, а нам – ничего.

– Но, – с горечью перебила ее соседка, – мы, по всей вероятности, хуже этих дам.

– Каких дам?

– Мы-то очень хорошо знаем, кто они такие, – сообщила одна из женщин, – а между тем они делают вид, что лучше нас.

– А кто они такие? – спросил высокий мужчина, обращаясь к своей соседке. – Я не видел, как они входили.

– Разве ты не знаешь, что это те мадам, про которых говорят, что они честные женщины?

– Да уж!

И все за столом громко засмеялись.

У Панафье вся эта болтовня вызывала большое удивление.

– О ком это вы говорите? – спросил он в свою очередь.

– О двух девчонках, которые сидят вон там! – отвечала соседка, указывая на маленькую комнату, дверь которой была закрыта. – Здесь всегда так. Мы приходим каждый день – и на нас не обращают внимания. Эти являются изредка – и вокруг них все пляшут. Все лучшее подается им.

– Где же эти дамы? – спросил Панафье.

– Тут, рядом, – отвечала его соседка, указывая на дверь, из-за которой слышался смех.

Панафье, следивший за всем, что происходило вокруг него, не находил среди людей, сидевших за столом, того, кого искал, и подумал, что, может, он находится в числе гостей маленькой гостиной. Поэтому, обращаясь к своей соседке, он спросил:

– Кто же эти особы?

– Я уже вам сказала, что две дрянные девчонки, которые выдают себя не за тех, кто они есть. Да еще мужчины, с которыми они обедают.

– А вы знаете этих мужчин?

– И да, и нет. Я видела их несколько раз. Это люди женатые, которые являются сюда только потому, что здесь им не грозит встреча с людьми, которые их знают.

– Я спросил вас об этом потому, что голос одного мужчины показался мне знакомым. Его некогда звали в Латинском квартале аббатом.

– Аббатом? Нет, я никогда не слышала такого имени.

– Я, вероятно, ошибся, – сейчас же сказал Панафье, не желая, чтобы его вопросу было придано хоть малейшее значение.

Нам нет нужды далее повторять читателю беседу постоянных посетителей Баландые. Достаточно один раз побывать в этом обществе, чтобы убедиться, до какой степени доходят его невежество, глупость и цинизм, но есть люди, которые считают это очень забавным. В доказательство сказанному мы только обратим внимание читателя на четырех мужчин, сидевших за большим столом и обменивавшихся с дамами самыми грубыми сальностями. Они смеялись до сумасшествия, смеялись до такой степени, что одна толстая посетительница, которую звали рыжей Нини, с убеждением сказала:

– Я не знаю – может быть, в маленькой комнате кормят лучше, но зато здесь не скучают. Когда этим мужчинам хочется посмеяться, они бросают «честных женщин».

В эту минуту дверь в маленькую комнату отворилась, и послышался женский голос, говоривший:

– Если вы хотите повеселиться, то прикажите подать шампанского.

Услышав этот голос, Панафье вздрогнул и вытянул шею, чтобы прислушаться, но дверь закрылась.

Он страшно побледнел и, наклонившись к своей соседке, спросил:

– Вы знаете имена этих женщин?

– Одну из них зовут Луизой, а другую я не знаю.

– А-а! – протянул Панафье, еще больше побледнев, но стараясь казаться спокойным.

В это время начали убирать со стола, и одна из посетительниц обратилась к Баландьё:

– Если сегодня не будут играть по случаю прихода этих дрянней...

– Наоборот, моя милая, – возразила Баландьё, – на этот стол постеляют зеленое сукно, и вы будете играть. Вам здесь будет гораздо приятнее, чем с этими дряннями.

Это лицемерное презрение примирило с ней посетительниц большого зала.

А в это время Панафье вынимал свою записную книжку и писал на вырванном оттуда листе:

«Луиза, я хочу тебя сейчас же видеть. Сделай так, чтобы меня пригласили. Я хочу войти к вам.

Поль».

Он свернул бумажку вчетверо, и, давая ее служанке, сказал шепотом:

– Передайте эту бумажку младшей из дам в маленькой гостиной.

– Но, мсье, если меня увидят... – начала служанка.

– Увидят вас или нет, вот вам пять франков.

После этого служанка не сделала ни одного замечания и отправилась в маленькую гостиную.

Он услышал в ней громкий шум, продолжавшийся несколько минут. Затем все стихло. Готовый на все, он встал и увидел выходящую из гостиной служанку, которая подошла к нему и, открыв дверь в маленькую гостиную, сказала:

– Эта дама просит вас войти к ним.

В это время все в зале были заняты игрой, и никто не обратил внимания на его уход.

Перед его приходом вокруг стола, очевидно, сидели четверо, но он увидел только Луизу и Нисетту. Он сразу подбежал к занавесям, закрывавшим альков, но там никого не было. Панафье заметил маленькую дверь и, открыв ее, увидел, что она выходит в коридор. Он все понял и, вернувшись к женщинам, сказал:

– Неужели ты думаешь заставить меня поверить, что вы были одни?

– Нет, – ответила Луиза, – с нами были двое мужчин, но они ушли сразу, как только я получила твою записку.

Панафье был озадачен спокойствием, с которым его приняла любовница. Он был немного стеснен присутствием Нисетты, перед которой не мог разыграть роль верного любовника, но он не понимал смелого и вызывающего взгляда Луизы.

Его больше бы устроило, если бы в гостиной были мужчины, с которыми он мог бы поговорить, или если бы Луиза была одна.

– Итак, – сказал он, – этот дом ты называешь местом свидания приличных людей, и здесь будет семейный бал, на который мадам Левассер приглашена со своей теткой...

Нисетта хотела ответить, но Луиза остановила ее жестом.

– Здесь место, которое я выбрала, чтобы ждать тебя, когда ты не возвращаешься, и ты видишь, что я не напрасно это сделала, придя сегодня в первый раз, так как имею счастье встретить здесь тебя.

– Это уж слишком! вскрикнул озадаченный Панафье. – Она же еще и жалуется!

– Но что ты здесь делал?

Говоря это, Луиза выпрямилась, а Панафье, кусая губы и хмуря брови, схватил ее за руку.

– Без сцен и без крика! – прорычал он. – Зачем ты здесь?

– Я могу располагать...

– Луиза, отвечай мне! Не шути, отвечай, а не то...

– Больно!.. Сюда! Ко мне! На помощь!

Панафье припер ногой дверь маленькой гостиной и с угрожающим видом зажал Луизе рот.

– Отвечай или я задушю тебя, – закричал он.

Физиономия Панафье говорила, что он способен тут же исполнить свою угрозу, но в это время Нисетта бросилась к нему со словами:

– Оставьте ее! Она имеет право делать все, что хочет.

Панафье локтем оттолкнул подругу Луизы и, устремив на нее пристальный взгляд, проговорил:

– Я запрещаю произносить тебе хоть одно слово. Я знаю, что ты из себя представляешь. Испуганная Нисетта замолчала.

– Отвечай мне, Луиза, – повторил Панафье.

– Мне больно, выпусти меня!

Быстрым движением молодой человек заставил Луизу сесть.

– Теперь отвечай!

– Не хочу.

– Несчастная! – вне себя закричал Панафье. – Не противься мне. Я способен на все!

Отвечай!

У Луизы не было никакого оправдания, и она отлично знала, что если ее любовник соглашается выслушать ее объяснения, то, значит, он не хочет с ней ссориться.

Луиза заплакала. Слезы – последний довод тех, которые не имеют других.

– Без слез! Зачем ты здесь?

– Чтобы наказать, заставить ревновать.

– Ты лжешь!

– Наоборот. Я знала, что ты придешь сюда.

– Да? – произнес Панафье, озадаченный этими словами.

Нисетта, наблюдавшая за всем происходящим, тут же встала.

– Это я сказала ей так.

– Но, – вне себя вскрикнул Панафье, – вы принимаете меня за дурака!

Затем, немного успокоившись, он продолжал:

– Мадам Левассер, я поговорю с вами в другое время, а сейчас хочу говорить с Луизой и прошу вас не вмешиваться.

– Мсье, – решительно отвечала Нисетта тем же тоном, – если Луиза здесь, то потому, что я заставила ее прийти сюда.

– Так это ты!.. Вы решаетесь мне это сказать! – угрожающим тоном проговорил Поль.

– Оставьте меня, господин Поль, вы не имеете права меня трогать. Если вы хотите знать истину, то я скажу вам все.

Озадаченный смелостью Нисетты, Панафье замолчал.

Луиза, чтобы ничего не говорить, плакала горькими слезами, в то время как Нисетта продолжала:

– Да, мы пришли сюда из-за вас, господин Поль! Это вас удивляет, но это так. Я не хочу этим сказать, что мы сделали это из-за того, что вы не вернулись вчера ночью. Нет, мы пришли сюда, чтобы доставить вам удовольствие.

– Что вы говорите! – вскрикнул Панафье, пристально глядя на Нисетту, чтобы убедиться, не смеется ли она над ним.

Последняя взглянула на него со злой улыбкой.

– Я говорю вам, что мы пришли сюда не для того, чтобы доставить вам неприятности, а для того, чтобы вам помочь.

– Ну, это уж слишком! – произнес Панафье, пожимая плечами и не желая отвечать Нисетте.

Чувствуя, что борьба с ней затруднительна, он насмешливо сказал Луизе:

– Итак, ты пришла сюда для того, чтобы быть мне полезной? И для этого обедала в отдельной комнате с мужчинами?

– Да, конечно, господин Поль, мы пришли для этого, – ответила Нисетта вместо Луизы. Поль дернулся нетерпеливо, но Нисетта как будто не заметила этого движения.

– Во-первых, объясним, как все было, – начала Нисетта.

– Послушайте, – вскрикнул Панафье, – я говорю не с вами.

Но Нисетта прямо отвечала ему:

– А я говорю с тобой, и ты слушаешь меня.

Нисетта была храбра, и Панафье струсил, заметив, что Луиза резко подняла голову, услышав, как Нисетта говорит Полю «ты».

Он взглянул на мадам Левассер и замолчал. Последняя, почувствовав, что одержала верх, сразу же поправилась.

– Извините, но гнев заставил говорить меня слишком фамильярно.

Луиза поглядела на свою подругу, но улыбка Нисетты прогнала все сомнения, пробудившиеся у нее.

Дав понять, на что она способна, Нисетта продолжала:

– Вот в двух словах суть дела, мсье Поль. Один раз вы заговорили с нами об аббате Пуляре.

– Что такое? – с удивлением вскрикнул Панафье. – При чем здесь это?

– Вы сказали, что он умер и, казалось, хотели разузнать о нем. Мы сказали вам, что он жив.

– Ну и что же?

– Так как я его знаю, то мне захотелось убедиться – не ошибаюсь ли я» Я ему написала и назначила здесь свидание. Только попросила Луизу сопровождать меня.

Панафье пожал плечами.

– Послушайте, Нисетта, – заметил он, – за кого вы меня принимаете? Вы, наверное, с ума сошли, если надеетесь заставить меня поверить подобным басням.

– Клянусь вам, я говорю правду.

Панафье не верил ни единому слову из того, что рассказывала мадам Левассер, но, тем не менее, он не желал с ней спорить, решив переговорить с Луизой наедине.

– Итак, вы мне говорите, что взяли с собой Луизу, – сказал он, – а Луиза, вероятно, взяла еще кого-то в свою очередь, потому что я вижу четыре прибора.

– Нет. Аббат всегда приказывает накрыть на четыре прибора, говоря, что ждет приятеля, но этот приятель никогда не является.

– Понятно! Но я сейчас спрашивал о мужчине, который был здесь, и мне никто не сказал, что это был аббат.

– Неужели же вы думаете, что он постоянно носит сутану. Наоборот, очень редко. Впрочем, здесь его мало знают, вернее, его знает одна Баландье.

– И когда я пришел сюда, он ушел...

Так как Панафье оставил внизу двух сторожей, то он был спокоен; Ладеш должен был отправиться за аббатом и завтра сообщить его адрес.

– Луиза, – сказал он, – доставь мне удовольствие – надень шляпу и идем. Мы объяснимся дома.

– Послушайте, господин Поль, – вмешалась опять Нисетта, – если вы будете опять ругать Луизу, то это не очень хорошо с вашей стороны. Я сказала вам правду.

– Дорогая мадам Левассер, вы можете делать все, что вам угодно. Вы имеете на это полное право, и это касается только вашего мужа. Луиза – другое дело! Я живу с ней, потому что люблю ее, и вы уж позвольте мне поступать так, как мне угодно.

– Если вы ее любите – конечно! И вы ее ревнуете?

– Да, я имею эту слабость.

– О, если бы я захотела, то доказала бы ей, что она имеет право делать все, что хочет.

Панафье пожал плечами, говоря:

– Во всяком случае, знал бы бедный Левассер, что я вас здесь встретил! Вы понимаете, что может сделать одно слово?

Нисетта прикусила губу.

Луиза была уже готова. Панафье позвал служанку, заплатил по счету и, проходя вместе с Луизой мимо удивленной Баландые, сказал ей:

– Если вы когда-нибудь примете у себя эту даму, то клянусь вам, мадам, что пришлю к вам полицейского комиссара и подробно расскажу ему о том, что происходит в вашем заведении.

И вышел под руку с Луизой.

На улице Панафье посмотрел, стоят ли его сторожа и, не увидев их, спокойно ушел.

Когда они входили в двери своего дома, Нисетта тихо сказала Панафье:

– Я хочу с тобой поговорить!

– Завтра! – ответил он так же тихо. Несколько минут спустя Луиза и Панафье были в своей комнате и последний сказал:

– Теперь, когда мы остались вдвоем, можно поговорить. Надеюсь, ты не думаешь, что я удовлетворен тем, что рассказала Левассер. Слушай, Луиза, будь откровенна, скажи мне всю правду или же эта ночь будет последней, которую мы проведем вместе.

Глава 14. Нисетта занимается странным ремеслом

Луиза поняла, что надо идти в наступление. Она вытерла слезы и сказала Панафье:

– Я не сделала ничего дурного. Это ты своим поведением заставляешь меня делать то, чего я не хочу делать.

– Что ты говоришь?! Моим поведением?

– Ты не ночуешь дома, мы не имеем средств к существованию, а ты не ищешь никакой работы.

– Кто тебе это сказал? Чего тебе не хватает?

– О, еще недавно мы были так бедны!

– Да, но за эти несколько дней я нашел работу.

– Тем более нет причин проводить время за развлечениями.

– Но ты с ума сошла!

– Нет, я не сошла с ума. Вот уже два раза в течение двух недель ты не ночуешь дома.

– Моя милая, ты начинаешь меня упрекать в том, в чем я хотел упрекнуть тебя. Это ловкая тактика, но ты меня не обманешь. Я не ночевал дома не потому, что веселился, а потому, что этого требовала та работа, которую я нашел.

– Что это за работа?

– Я не могу тебе сказать.

– О, конечно!

– Будь довольна тем, что она дает доход. А теперь скажи мне – как и почему ты попала к Баландье?

– Я не то, что ты! Я была там в первый раз.

– Ты хочешь повторить историю, придуманную мадам Левассер?

– Нет, я говорю тебе правду. Ты не ночевал дома и утром тоже не вернулся. Тогда Нисетта, видя мое огорчение, сказала мне: «Ты очень глупо делаешь, беспокоясь, в то время как он веселится». И она предложила мне отправиться вечером в один дом, где, по ее словам, очень весело, где бывают интересные люди, актеры, актрисы, журналисты.

– К Баландье?

– Она не сказала мне ничего, но прибавила, что аббат, с которым она должна была познакомиться, придет туда.

– Как! Познакомить тебя?! – с удивлением вскрикнул Панафье.

– Да, она рассказывала мне много забавного об этом человеке и сказала мне: «Если он когда-нибудь пригласит меня обедать, то я возьму тебя с собой, и ты сама увидишь, как он забавен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.